

РОССІЯ и РУССКІЙ ДВОРЪ въ 1839 г. ¹⁾.

Записки французскаго путешеств. Кюстина.

Ногда Вольтеръ началъ писать исторію Петра Великаго, Фридрихъ II разгнѣвался и обратился къ нему съ вопросомъ: „съ чего это вы вздумали писать исторію волковъ и медвѣдей сибирскихъ?... Я не буду читать исторіи этихъ варваровъ, мнѣ-бы хотѣлось даже вовсе не знать, что они живутъ на нашемъ полушаріи“.

Но скромнымъ желаніямъ прусскаго короля не суждено было осу-

¹⁾ „La Russie en 1839“, второе изданіе, 4 ч. Парижъ. 1844 г. См. нашу замѣтку о Кюстинѣ и его сочиненіи въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., т. LI июль, стр. 21—22.

Вотъ что, между прочимъ, говорится въ ней: „безпристрастная историческая критика должна признать, что, не смотря на неблагопріятные отзывы о Россіи 1839 года обоимъ путешественникамъ,—нѣмца Гагерна и француза Кюстина,—составленные ими записки исполнены для русскихъ читателей высокаго интереса. Ошибочныя сужденія ихъ обусловлены отчасти западно-европейскими предрассудками, отчасти же непониманіемъ явленій открывшагося передъ ними новаго міра, съ чуждыми имъ стремленіями, вѣрованіями и идеалами. Рядомъ съ повѣствованіями, искажающими смыслъ многихъ событій,—у Гагерна и Кюстина встрѣчаются мѣтко подмѣченные явленія тогдашней жизни и удачныя характеристики главныхъ историческихъ дѣятелей той эпохи; нерѣдко оба путешественника воспроизводятъ дѣльные разговоры, служащіе прекрасною характеристикой описываемаго времени и русскаго общества. Въ настоящее время, когда прошлая жизнь Россіи не скрыта болѣе отъ вниманія изслѣдователей нашей старины, все это не должно долѣе оставаться чуждымъ исторической любознательности современнаго поколѣнія“.

Н. К. Шильдеръ.

ощуваться, и въ XIX вѣкѣ просвѣщенной Европѣ нельзя уже было относиться съ прежнимъ высокомеріемъ къ сибирскимъ варварамъ. Волки и медвѣди въ глазахъ многихъ стали даже похожими на людей. При такъ сильно измѣнившихся взглядахъ, лѣтомъ 1839 г. одному французскому маркизу вздумалось предпринять поѣздку по Россіи. На бѣду католическое міросозерцаніе путешественника воспрепятствовало безпристрастному отношенію его къ русскому міру. Для того, чтобы убѣдиться, насколько сильны были въ любознательномъ маркизѣ католическія предубѣжденія, сквозь призму которыхъ онъ смотрѣлъ на всѣ явленія русской жизни, достаточно остановиться на нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ пространнаго и многорѣчиваго введенія, которое Кюстинъ предпослалъ своему труду. Вотъ образчики его клерикальной мудрости:

„Слѣдуетъ быть вполне католикомъ или не быть таковымъ вовсе; нельзя исповѣдывать католицизмъ на половину или на новый ладъ“. — „Истинная церковь едина и имѣетъ своего видимаго главу“. — „Дѣлать изъ вѣротерпимости догматы и замѣнять этимъ человѣческимъ догматомъ всѣ божественные догматы, это значить разрушать религію, подѣ предлогомъ дѣлать ее пріятною (aimable)“.

Съ подобными убѣжденіями вступилъ Кюстинъ на русскую землю и, конечно, тотчасъ-же нашелъ во всемъ, видѣнномъ имъ здѣсь, подтвержденіе своихъ клерикальныхъ воззрѣній: „Я-бы послалъ въ Россію всѣхъ не-католическихъ христіанъ, говоритъ онъ, — чтобы они убѣдились въ участи, которая ожидаетъ нашу религію, при преподаваніи ея путемъ національной церкви, подѣ руководствомъ національнаго духовенства. Картина униженія (!), въ которое можетъ впасть духовенство обширной страны, зависящее только отъ государства, заставить отшатнуться всякаго послѣдовательнаго протестанта. Національная церковь, національное духовенство — суть два несовмѣстимыя между собою понятія; церковь, по существу своему, выше всякаго человѣческаго общества; покинуть всемірную церковь, чтобы присоединиться къ какой-либо политической церкви, это значить болѣе, чѣмъ заблуждаться въ религіи, это равносильно отверженію вѣры, сдѣлать ее невозможною и совершивъ паденіе съ небесъ на землю“.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что Кюстинъ предчувствовалъ неудовольствіе, съ которымъ будутъ встрѣчены въ Россіи его воспоминанія, и приписывалъ это явленіе чувству оскорбленнаго самолюбія. „Между тѣмъ, никто болѣе меня не былъ пораженъ величіемъ ихъ паціи и ея политическимъ значеніемъ. Высокая судьба этого народа“.

жившагося послѣднимъ на міровой сценѣ стараго свѣта, занимала меня во все время моего пребыванія среди него. Русскіе, взятые въ массѣ, показались мнѣ великими даже въ ихъ самыхъ выдающихся порокахъ; взятые отдѣльно, они показались мнѣ любезными; народный характеръ признанъ мною интереснымъ: эти лестныя истины достаточно сильны. чтобы вознаградить собою другіе менѣ пріятныя отзывы. Но до сихъ поръ большая часть путешественниковъ относилась къ русскимъ, какъ къ балованнымъ дѣтямъ. Если разладъ, замѣчаемый среди современнаго русскаго общества, и духъ, присущій его правительству, существенно противоположны моимъ взглядамъ и моимъ привычкамъ, вызвали съ моей стороны упреки и какъ-бы вопли негодованія, то мои похвалы, одинаково не предназначенныя, получаютъ тѣмъ большее значеніе. Но эти люди востока, съ ихъ привычкой вдыхать и курить ѳиміамъ самой грубой лести, считая дѣйствительными похвалы, взаимно расточаемыя другъ другу, чувствительны только къ порицанію. Каждое неодобреніе представляется имъ измѣной; они зовутъ ложью каждую горькую истину, и подъ кажущеюся критикою не замѣтятъ робкаго восхищенія, сожалѣнія, а иногда и сочувствія въ моихъ самыхъ строгихъ сужденіяхъ“.

Н. К. Шальдеръ.

Письмо первое къ * * *

Эмсъ, 5 іюня 1839 г.

„Вчера я какъ будто началъ свое путешествіе по Россіи: великій князь наслѣдникъ прибылъ въ Эмсъ, предшествуемый 10 или 12 каретами и сопровождаемый многочисленнымъ дворомъ.

... Я находился въ толпѣ любопытныхъ, собравшейся около великаго князя при выходѣ его изъ кареты; передъ тѣмъ какъ войти въ домъ, онъ долго разговаривалъ у дверей купальни съ одной русской дамой, графиней***, и я свободно могъ разглядѣть его. Ему лѣтъ двадцать, и, судя по наружности, ему можно дать эти годы: высокаго роста, онъ показался мнѣ нѣсколько полонъ для столь молодаго чело-вѣка; черты лица были-бы прекрасны, если-бъ не опухлость, сглаживающая ихъ выраженіе; оно заставляетъ предполагать, чѣмъ былъ въ эти-же годы императоръ Александръ Павловичъ. Оно будетъ еще много измѣняться, прежде чѣмъ приметъ свой окончательный характеръ; присущее ему теперь выраженіе—кроткое и доброжелательное, но между юною улыбкою глазъ и постояннымъ сокращеніемъ рта

замѣчается противорѣчіе, служащее признакомъ недостатка откровенности и, быть можетъ, какого-нибудь нравственнаго страданія. Огорченія юности, возраста, когда счастье должно улыбаться человеку, составляютъ тайну, тѣмъ болѣе оберегаемую, что она необъяснима даже для испытавшаго ихъ. Взглядъ молодого князя выражаетъ доброту; его поступъ граціозна, легка и благородна, — это истинный князь; у него скромный, но не застѣнчивый видъ, за что ему должно быть благодарнымъ: замѣшательство великихъ міра сего до того стѣснительно для всѣхъ, что ихъ ненатянутость кажется намъ любезностью, какъ оно и есть въ дѣйствительности. Когда они сами себя считаютъ божествами, они связаны своимъ собственнымъ мнѣніемъ о себѣ.

Великій князь вовсе не одержимъ этимъ страннымъ безпокойствомъ; его присутствіе прежде всего производитъ впечатлѣніе человека хорошо воспитаннаго; если когда-либо онъ будетъ царствовать, онъ заставитъ повиноваться себѣ не страхомъ, а своею привлекательностью, присущей граціи.

На другой день, 6-го іюня. Вечеръ.

„Я опять видѣлъ великаго князя наслѣдника и разсматривалъ его еще больше и ближе, чѣмъ въ прошлый разъ; онъ снялъ мундиръ, стѣснявшій его и придававшій ему надутый видъ; мнѣ кажется, обыкновенное платье идетъ къ нему лучше; у него пріятныя манеры, благородная безъ военной принужденности поступъ, а отличающій его особый родъ изящества напоминаетъ своеобразную прелесть, присущую славянской расѣ. Это не живая страстность странъ теплыхъ, но и не безстрастная холодность сѣверныхъ обитателей, — это смѣсь простоты, южной непринужденности и скандинавской меланхолии. Славяне — бѣлые арабы.

.... Лицо молодого князя, не смотря на его молодость, не настолько пріятно, какъ его фигура, и цвѣтъ его не свѣжій; видно, что онъ страдаетъ: его вѣки опускаются на глаза съ грустью, свидѣтельствующею о заботахъ болѣе поздняго возраста; его граціозный ротъ не безъ кроткаго выраженія; греческій профиль напоминаетъ собою античныя медали и портреты императрицы Екатерины, но сквозь наружный видъ доброты, почти постоянно дающійся красотою и молодостью; нельзя не признать въ немъ сильной скрытности, пугающей въ столь молодомъ человекѣ. Эта черта, безъ сомнѣнія, печать рока; она заставляетъ меня думать, что этотъ князь взой-

дети на престолъ. Его голосъ мелодиченъ, что составляетъ рѣдкость въ его семействѣ: говорить, онъ получилъ его въ даръ отъ матери.

Великій князь блистаетъ въ кругу молодыхъ людей своего общества, и не знаешь, чему приписать замѣчаемое между ними разстояніе, если не безусловной прелести его личности. Она всегда служить признакомъ привѣтливаго расположенія духа: душа такъ проявляется въ походкѣ, выраженіи лица, въ манерахъ человека! Князь-же въ одно и то-же время внушительнъ и пріятенъ. Русскіе путешественники рассказывали мнѣ объ его красотѣ, какъ о чемъ-то феноменальномъ: безъ этихъ преувеличеній я былъ-бы пораженъ ею; впрочемъ, я вспомнилъ рыцарскій видъ и лица архангеловъ у его отца и дяди, великаго князя Михаила, въ 1815 г., когда они пріѣзжали въ Парижъ, гдѣ ихъ прозвали сѣвернымъ сіяніемъ, и я сдѣлался строгъ, потому что былъ обманутъ. Таковъ, какъ онъ есть, русскій великій князь представляется мнѣ однимъ изъ прекраснѣйшихъ представителей принцевъ крови, когда-либо видѣнныхъ мною.

Я былъ пораженъ недостаткомъ изящества въ его экипажахъ, безпорядкомъ въ багажѣ и неряшливостью слугъ. Сравнивая этотъ императорскій кортежъ съ великолѣпною простотою англійскихъ экипажей и съ особенною заботливостью обо всемъ англійскихъ слугъ, видишь, что недостаточно заказывать свои экипажи у лондонскихъ мастеровъ, чтобъ достигнуть матеріальнаго совершенства, обезпечивающаго Англіи преобладаніе въ такой положительный вѣкъ, какъ нашъ.

Черезъ два дня отправляюсь въ Берлинъ и Петербургъ“.

Письмо четвертое.

Травеминде, 4-го іюля 1839 г.

„Сегодня утромъ хозяинъ гостиницы въ Любекѣ, узнавъ, что я намѣренъ отплыть въ Россію, вошелъ ко мнѣ въ комнату съ такою сострадательною миною, что заставилъ меня разсмѣяться; это человекъ съ болѣе живымъ, проникательнымъ и насмѣшливымъ умомъ, чѣмъ можно было-бы предположить это по плаксивому тону его голоса и манерѣ произносить по французски.

Узнавъ, что я путешествую для своего лишь удовольствія, онъ принялся съ чисто нѣмецкимъ добродушіемъ уговаривать меня отказаться отъ своего намѣренія.

„Вы знаете Россію?“ спросилъ я его.

— „Итъ, но я знаю русских; ихъ много проѣзжаетъ черезъ Любекъ, и по физиономіямъ обитателей я заключаю объ ихъ странѣ“.

„Что-жь такое замѣтили вы въ выраженіи ихъ лицъ, что должно было-бы удержать меня посмотреть на нихъ на ихъ родинѣ?“

— „Видите-ли, у нихъ два рода физиономій; я не говорю о лакеяхъ, имѣющихъ только одну, но о господахъ: когда они переправляются, чтобы посѣтить Европу, у нихъ веселый, свободный и довольный видъ: они напоминаютъ лошадей, вырвавшихся на свободу, птицъ, которымъ открыли клітку; мужчины, женщины, старые и молодые—все счастливы, какъ школьники на каникулахъ; но тѣ-же самыя лица, при возвращеніи, становятся мрачными, вытянутыми, тревожными; ихъ разговоръ рѣзокъ и отрывистъ, выраженіе озабоченное; изъ этой-то разницы я и вывелъ заключеніе, что страна, которую покидаютъ съ такою радостью и куда, наоборотъ, возвращаются съ такимъ сожалѣніемъ, должна быть дурною страной“.

„Быть можетъ, вы правы, возразилъ я, — но ваши замѣчанія доказываютъ мнѣ только, что русскіе вовсе не такъ скрытны, какъ намъ рисуютъ ихъ; я считалъ ихъ болѣе непроницаемыми“.

— „Они таковы тамъ, у себя, но не остерегаются насъ, добрыхъ нѣмцевъ“, сказалъ содержатель гостинницы, удаляясь и улыбаясь хитрою улыбкой.

„Вотъ человѣкъ, который боится быть принятымъ за простака“, подумалъ я, смѣясь про себя. Завтра, не смотря на свое отвращеніе къ морю, я сажусь на корабль, радостно пренебрегая всею его неудобствами, лишь-бы онъ несъ меня къ пустынямъ и степямъ!.. степямъ!.. Это восточное слово, само по себѣ, заставляетъ меня предчувствовать что-то чудесное и невѣдомое; оно пробуждаетъ во мнѣ желаніе, замѣняющее молодость, храбрость и напоминающее мнѣ, что я явился на этотъ свѣтъ подъ однимъ условіемъ—путешествовать; такова фатальная потребность моей натуры Признаться-ли вамъ?—Быть можетъ, никогда не предпринялъ-бы я этого путешествія, не будь въ Россіи степеней; я серьезно боюсь, не слишкомъ-ли я молодъ для вѣка и страны, гдѣ мы живемъ!“

Кюстинъ сѣлъ въ Любекъ на русскій пароходъ „Николай I“, почти заново построенный послѣ случившагося на немъ пожара. Николай Павловичъ смѣнилъ капитана—русскаго, и назначилъ новаго—голландца, не пользовавшагося властью надъ своимъ экипажемъ. Рассказывая объ этомъ, Кюстинъ прибавляетъ: „иностранцы всегда сбываютъ Россіи лишь тѣхъ лицъ, которыхъ не хотятъ имѣть у себя“.

Письмо пятое.

8-го іюля 1839 г., написанное въ полночь, безъ свѣчи, на пароходѣ „Николай I“ въ Финскомъ заливѣ.

Въ началѣ письма путешественникъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него сѣверною природою. Его поражаютъ свѣтлыя ночи.

„Забываешь волшебную силу свѣта, говорить онъ, — религіозную темноту ночей, и не вѣришь больше чудесамъ благословенныхъ климатовъ, гдѣ солнце всемогуще. Здѣсь все неясно и неопредѣленно; контуры вещей сливаются, и невольно спрашиваешь себя, гдѣ ты и куда идешь; дневной свѣтъ теряетъ здѣсь свою напряженность, распространяясь повсюду равномерно; тѣнь теряетъ свою силу, свѣтъ блѣднѣетъ: ночью не темно, но днемъ сѣро. Нѣтъ, что міръ не художниковъ, а рисовальщиковъ. (Свѣтъ этихъ равнинъ какъ нельзя лучше отвѣчаетъ голубымъ глазамъ, не рѣзко обрисованнымъ чертамъ лица, бѣлокурымъ волосамъ и робкому, романическому воображенію сѣверянокъ. Онѣ вѣчно мечтаютъ о томъ, что другія приводятъ въ исполненіе; къ нимъ лучше всего примѣняются слова, что жизнь есть тѣнь какого-то сна. Здѣсь, въ этихъ странахъ, вы раздѣляете непонятную вамъ до сихъ поръ меланхолію жителей сѣвера и чувствуете такъ-же, какъ они, прелесть ихъ монотонной поэзіи“.

Въ зависимость отъ характера этой природы путешественникъ ставитъ и характеръ обитателей сѣвера, ея вліяніе на общественный строй ихъ жизни. „Я признаю роковую силу широтъ и охотно присоединяюсь къ теоріи Монтескье“.

На пароходѣ Кюстинъ познакомился съ нѣкимъ русскимъ княземъ К***. Его поразила легкость, съ которою послѣдній завязалъ съ нимъ знакомство и заговорилъ о различномъ пониманіи русскими и англичанами цѣлей и сущности истиннаго дворянства. „Въ Англіи дворянство дается богатствомъ, между тѣмъ какъ по понятіямъ русскихъ, истинный дворянинъ—лишь дворянинъ природный, котораго нельзя ни купить, ни продать. Такъ понималъ дворянство и императоръ Александръ, и по этому поводу князь К*** рассказывалъ слѣдующій анекдотъ.

„Въ 1814 году я сопровождалъ императора Александра въ его путешествіи въ Лондонъ. Въ это время его величество почтилъ меня своимъ особеннымъ довѣріемъ, и этой мимолетной милости я

былъ обязан многими знаками вниманія со стороны принца Валлинскаго ¹⁾. Последний отвѣтъ меня какъ-то въ сторону и сказалъ:

„Я хотѣлъ-бы сдѣлать что-либо пріятное императору; кажется, онъ очень любитъ сопровождающаго его врача; могу-ли я оказать этому человѣку милость, которая доставила-бы удовольствіе вашему государю?“

— „Да, ваше высочество“, возразилъ я.

„Что-же такое?“

— „Пожаловать ему дворянство“.

На другой день докторъ ^{** 2)} получилъ званіе Knight (chevallier).

„Императоръ заставлялъ сначала меня, а потомъ и другихъ объяснить себѣ, что это за отличіе, которое давало его доктору право именоваться титуломъ сэра, а женѣ его — лэди, но, не смотря на свойственную ему большую проникаемость, онъ умеръ, не понявъ ни нашихъ объясненій, ни важности новой милости, оказанной его доктору. Онъ говорилъ со мною объ этомъ еще десять лѣтъ спустя, въ Петербургѣ“.

Нашему путешественнику понравился самый тонъ разговора князя, крайне вѣжливый, секретъ котораго, по его словамъ, уже почти утерялся въ современной ему Франціи. Въ то-же время его поражала либеральность высказанныхъ имъ воззрѣній, за которыя, правда, и боялся и становился сдержаннѣе, какъ только замѣчалъ, что Кюстинъ въ чемъ-нибудь расходится съ нимъ, или что его слушаетъ кто-либо изъ русскихъ. Между прочимъ, этотъ-же князь сдѣлалъ ему небольшой очеркъ нашей исторіи; на этомъ знакомствѣ съ русской исторіей Кюстинъ строить многіе свои выгоды относительно характера русскихъ и задачъ ихъ историческаго существованія.

„Россія въ настоящее время отодвинулась отъ эпохи нашествія монголовъ лишь на четыре столѣтія, тогда какъ западъ пережилъ этотъ кризисъ четырнадцать столѣтій тому назадъ: тысячелѣтнее замедленіе въ развитіи цивилизаціи создаетъ неизмѣримую пропасть между обычаями націй“.

Характеризуя нашихъ первыхъ князей: Рюрика, Олега, Владимира святаго, Святополка, Владимира Мономаха, Кюстинъ говоритъ: „въ нихъ нѣтъ ничего рыцарскаго: это попросту библейскіе короли; нація, прославленная ими, осталась близъ предѣловъ Азіи и, не будучи

¹⁾ Тогда принца регента, а позднѣе короля подъ именемъ Георга IV.

²⁾ Лейбъ-медики баронетъ Вилліе.

знакома съ нашими рыцарскими понятіями, сохранила свои патріархальныя права“.

„Русскіе не прошли той блестящей школы искренности, которою рыцарская Европа сѣумѣла до того хорошо воспользоваться, что слово „честь“ оставалось долгое время синонимомъ вѣрности данному обѣщанію, и что выраженіе „честное слово“—выраженіе священное даже во Франціи, гдѣ забыто такъ много славнаго. Благородное вліяніе крестовыхъ походовъ вмѣстѣ съ католицизмомъ остановилось на Польшѣ; русскіе воинственны, но лишь для завоевательныхъ цѣлей; они сражаются изъ повиновенія или изъ жадности, польскіе-же рыцари сражались изъ-за любви къ славѣ; такимъ образомъ, не смотря на то, что по своему происхожденію обѣ эти націи имѣли между собою много общаго, результатъ исторіи, служащей воспитательной школой народовъ, разъединилъ ихъ такъ глубоко, что русской политикѣ, чтобы снова слить ихъ, потребуется несравненно болѣе столѣтій, чѣмъ потребовалось для ихъ разъединенія....

— „Князь, возразилъ я, выслушавъ этотъ длинный рядъ выводовъ,—я не вѣрю вамъ. Лишь вашъ блестящій умъ ставитъ васъ выше національныхъ предразсудковъ и заставляетъ привѣтствовать подобнымъ образомъ иностранца у себя дома, но я не болѣе довѣряю самоуниженію, чѣмъ излишнимъ претензіямъ“.

„Черезъ три мѣсяца вы отдадите мнѣ справедливость; до тѣхъ же поръ и пока мы одни,—при этомъ онъ посмотрѣлъ во всѣ стороны,—я хочу обратить ваше вниманіе на одно важное обстоятельство: я дамъ вамъ ключъ, который послужитъ для разгадки страны, куда вы являетесь“.

„Думайте о каждомъ шагѣ, дѣлаемомъ вами среди этого азіатскаго народа; помните, что русскимъ не достаетъ рыцарскаго и католическаго (!) вліянія; они не только не подчинялись, но съ враждебностью противоdѣйствовали ему въ теченіе длинныхъ войнъ съ Литвой, Польшей, съ Тевтонскимъ орденомъ и меченосцами“.

.... „Вы совершенно угадали то, что увидите; вы не можете составить себѣ вѣрнаго представленія о глубокой нетерпимости русскихъ; тѣ-же изъ нихъ, которые обладаютъ просвѣщеннымъ умомъ и состоятъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ западомъ Европы, прилагаютъ величайшія старанія скрыть свою господствующую идею—торжество греческаго православія, синонимъ для нихъ русской политики. Безъ этой мысли ничего нельзя объяснить ни въ нашихъ нравахъ, ни въ нашей политикѣ. Вы не вѣрите, на примѣръ, чтобы преслѣдованіе Польши было проявленіемъ личнаго чувства императора: оно есть результатъ

холоднаго и глубокаго разсчета. Эти акты жестокости (?) составляют заслугу въ глазахъ истинно вѣрующихъ.... Ваши легитимистскіе журналы не понимаютъ хорошенъко въ чемъ дѣло, когда ищутъ союзниковъ среди схизматиковъ. Римъ и все, связанное съ римскою церковью, не имѣютъ болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ глава церкви въ Россіи, и меня удивляетъ только, что итальянская прогницательность не открыла еще опасности, угрожающей намъ съ этой стороны ¹⁾. По этой картинѣ, крайне вѣрной, вы можете судить объ иллюзіяхъ, которыми ублаживаютъ себя часть парижскихъ легитимистовъ“.

Этотъ разговоръ даетъ вамъ понятіе о прочихъ: всякій разъ, какъ только предметъ его становился тревожнымъ для московскаго самолюбія, князь К*** приостанавливался, если не былъ совершенно увѣренъ, что никто не можетъ слышать насъ.

Эта откровенность заставила меня призадуматься, и мнѣ стало страшно отъ своихъ размысленій.

За эту страну, которую наши новѣйшіе мыслители (1839 г.) ни во что не ставятъ (!), до того показалась она имъ отсталою, громадное будущее, быть можетъ, даже большее, чѣмъ у англійскихъ обществъ, насажденныхъ на американской почвѣ и столь прославленныхъ философами, ученіе которыхъ породило нашу нынѣшнюю демократію со всѣмъ ея зломъ.

„Если царящій въ Россіи военный духъ не перодилъ ничего подобнаго нашему культу чести (?), это не значитъ, чтобы нація имѣла, менѣе силъ потому только, что солдаты ея менѣе блестящи, чѣмъ наши; честь—человѣческое божество, но въ практической жизни долтъ то же, что честь, если не больше; это менѣе эффектно, но болѣе выдержанно, болѣе прочно. Русскіе не дадутъ міру героевъ Тасса или Аріоста, но лица, достойныя вдохновить новаго Гомера или Данта, могутъ возродиться изъ развалинъ втораго Иліона, осажденнаго новымъ Ахилломъ, который, какъ воинъ, превзойдетъ всѣхъ героевъ Иліады, вмѣстѣ взятыхъ.

Когда наша космополитическая демократія, выполнивъ свое назначеніе, сдѣластъ изъ войны что-то ненавистное всѣмъ народамъ, когда нація, называемая самыми цивилизованными въ мірѣ, ослабѣютъ отъ своихъ политическихъ оргій и въ своемъ постепенномъ паденіи дойдутъ до внутренней спячки и презрѣнія извнѣ,

¹⁾ „Князь К*** католикъ. Въ Россіи все независимое (!?) по уму и религіозное склоняется (!?) къ римской церкви“.

когда всякій союзъ съ обществами, разрушенными эгоизмомъ, будетъ признанъ невозможнымъ, тогда-то прорвутся раздѣляющія насъ съ сѣверомъ плотины, и мы подвергнемся послѣднему нашествію, но уже нашествію не невѣжественныхъ варваровъ, но покорителей хитрыхъ, просвѣщенныхъ, даже болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ мы, потому что изъ нашихъ-же собственныхъ увлеченій они постигнуть какъ можно и должно управлять нами.

Не безъ цѣли накапливаетъ Провидѣніе на востокѣ Европы столько бездѣйствующихъ силъ. Когда-нибудь заснувшій гигантъ проснется, и сила положитъ конецъ царству слова. Напрасно растерявшееся равенство призоветъ на помощь къ себѣ старую аристократію; оружіе, схваченное слишкомъ поздно, находящееся въ рукахъ, слишкомъ долго остававшихся бездѣтельными, окажется безсильнымъ. Общество погибнетъ за слишкомъ большое довѣріе къ пустымъ или противорѣчивымъ словамъ; а обманчивое эхо общественнаго мнѣнія — журналы, желая во что бы то ни стало сохранить читателей, будутъ толкать его къ пронасти, хотя-бы для того только, чтобы еще въ продолженіе мѣсяца имѣть что рассказывать. Они убьютъ общество, чтобы питаться его трупомъ. Возвратъ къ религіозному единству спасъ-бы еще Европу...

Мое любопытство видѣть Россію и преклоненіе передъ духомъ порядка, долженствующимъ стоять во главѣ при управленіи этимъ громаднымъ государствомъ, не препятствуютъ мнѣ судить безпристрастно (!) о политикѣ ея правительства. Господство Россіи, хотя-бы оно ограничивалось одними дипломатическими требованіями, даже не доходя до завоеваній, кажется мнѣ самымъ ужаснымъ изъ всего. Ошибаются относительно роли этой страны въ Европѣ; по своему основному принципу она — представитель порядка, но по характеру своихъ обитателей — представитель тираніи подъ предлогомъ подавленія анархіи. Этой націи не достаетъ нравственнаго начала; со своими военными нравами и воспоминаніями о нашествияхъ, она находится еще въ періодѣ завоевательныхъ войнъ, между тѣмъ какъ Франція и другія западныя государства ¹⁾ ведутъ войны исключительно для пропаганды“.

Приводя затѣмъ восторженные рассказы нѣкоторыхъ русскихъ путешественниковъ о какомъ-то докторѣ въ Грейфенбергѣ, излѣчивающемъ всѣ болѣзни холодною водою, Кюстинъ прибавляетъ: „у славянъ есть еще другая страсть, кромѣ страсти къ холодной водѣ,

¹⁾ Изъ числа послѣднихъ путешественникъ исключаетъ Пруссію, король которой, по его словамъ, „сдѣлался передовымъ застрѣльщикомъ Россіи“.

это страсть ко всѣмъ новшествамъ. Умъ этого народа подражатель изощряется на изобрѣтеніяхъ другихъ“.

Иногда русскіе путешественники для развлеченія пѣли, и его очаровываетъ грусть и своеобразие ихъ пѣсенъ; особенно поражаетъ его сложное голосоведеніе русскихъ пѣсенъ, доказывающее, что онѣ дѣйствительно создались въ деревнѣ. Онъ слышалъ также пѣсни русскихъ цыганъ, и онѣ напомнили ему испанскія болеро.

Разсказывая снова о своей страсти путешествовать, онъ между прочимъ говоритъ, что въ Россіи надѣется изучать очень отдаленную историческую эпоху.

Письмо шестое.

9-го іюля 1839 г. На пароходѣ „Николай I“.

„Что всего болѣе забавляло меня во время этого слишкомъ короткаго переѣзда, это то, что я былъ принужденъ безпрестанно оправдывать Россію передъ княземъ К***. Я дѣлалъ это безъ всякаго расчета, единственно повинувшись присущему мнѣ чувству справедливости, и такимъ образомъ приобрѣлъ себѣ благорасположеніе слышавшихъ насъ русскихъ. Искренность сужденій этого милаго князя К*** о своей странѣ доказываетъ мнѣ, впрочемъ, что въ Россіи есть люди, имѣющіе возможность говорить откровенно. Когда я высказывалъ ему это, онъ возражалъ, что онъ не русскій! Странное притязаніе!...

Я былъ пораженъ чрезмѣрною боязливостью русскихъ мнѣнія, которое можетъ высказать о нихъ иностранецъ; нельзя, кажется, проявить менѣе независимости; впечатлѣніе, которое можетъ произвести на путешественника ихъ страна, занимаетъ ихъ безпрестанно. Что случилось-бы съ нѣмцами, англичанами, французами, со всѣми народами Европы, еслибы они поддавались такому ребячеству? Если эпиграммы князя К*** возмущаютъ его соотечественниковъ, то не потому, чтобы онѣ оскорбляли въ нихъ серьезное чувство любви, а потому только, что они боятся того вліянія, которое онѣ могутъ произвести на меня, человека въ ихъ глазахъ важнаго, потому что имъ сказали, что я опишу свое путешествіе.

— „Не поддавайтесь предубѣжденію противъ Россіи, благодаря этому негодному русскому, не пишите подъ впечатлѣніемъ его вранья; онъ говоритъ такъ лишь для того, чтобы на нашъ счетъ блеснуть французскимъ остроуміемъ, но въ глубинѣ души не вѣритъ ни одному сказанному имъ слову“.

Вотъ что десять разъ въ день повторяютъ мнѣ потихоньку. Моя мысль—точно сокровищница, откуда каждый считаетъ себя въ правѣ черпать въ свою пользу, и, благодаря этому, и чувствую, какъ мысли мои перепутываются, и къ концу дня я самъ сомнѣваюсь въ своемъ мнѣніи, что русскимъ и нравится: когда мы не знаемъ что сказать и подумать объ ихъ странѣ, они торжествуютъ.

Мнѣ кажется, что они согласились-бы быть дѣйствительно варварами и покориться худшей участи, лишь-бы ихъ считали лучше и цивилизованнѣе.

„По крайней мѣрѣ, не называйте насъ варварами сѣвера, какъ дѣлаютъ ваши соотечественники“... Вотъ что говорятъ мнѣ, какъ только увидятъ меня развлеченнымъ или тронутымъ какимъ-либо интереснымъ рассказомъ, какой-либо національной мелодіей, прекрасной чертой патриотизма или благороднымъ и поэтическимъ чувствомъ, приписываемымъ русскому.

Я отвѣчаю на всѣ эти страхи незначущими комплиментами, но думаю про себя, что мнѣ болѣе понравились бы варвары сѣвера, чѣмъ обезьяны юга.

Можно найти средства противъ первобытной дикости, но ихъ нѣтъ противъ страсти казаться не тѣмъ, что есть“.

Письмо седьмое.

Петербургъ, 10-го іюля 1839 г.

О своемъ приближеніи къ Кронштадту Кюстинъ говоритъ: „еще не коснувшись этого мало привлекательнаго берега, ужъ хочется удалиться отъ него, и съ улыбкой вспоминаешь слова одного фаворита императрицы Екатерины, жаловавшейся ему на дурное вліяніе петербургскаго климата на ея здоровье: „это не вина милостиваго Господа, государыня, если упорство людей заставляетъ ихъ строить столицу обширной имперіи на землѣ, предназначенной природой служить логовищемъ медвѣдямъ и волкамъ“.

Мои товарищи по путешествію съ гордостью объясняли мнѣ недавніе успѣхи русскаго флота. Я удивляюсь имъ, не опѣивая ихъ, какъ они. Самый флотъ есть созданіе или, лучше сказать, развлеченіе императора Николая I. Этотъ монархъ забавляется осуществленіемъ главной идеи Петра I, но какъ-бы могуществененъ ни былъ человекъ, рано или поздно онъ принужденъ будетъ сознать, что природа сильнѣе всѣхъ. Пока Россія не выйдетъ изъ своихъ естественныхъ границъ, русскій флотъ будетъ служить игрушкой (!) и ничѣмъ болѣе“.

Мнѣ объясняли, что, при наступленіи навигаціи, самые юные воспитанники Морскаго училища остаются для производства учений вблизи Кронштадта, болѣе же искусные доходятъ въ своихъ разбродныхъ поѣздкахъ до Риги, а иногда и до Копенгагена. Что возразить мнѣ на это? Два русскихъ корабля, безъ сомнѣнія, подъ управленіемъ иностранцевъ, уже совершили или готовятся совершить кругосвѣтное плаванье!

Не смотря однако на гордость придворныхъ, съ какою они расхваливали чудеса, производимыя волею государя, пожелавшаго и создавшаго императорскій флотъ, но съ того момента, какъ я узналъ, что корабли, видѣнные мною, служатъ единственно для упражненій учениковъ, какая-то тайная тоска успокоила мое любопытство. Я подумалъ, что нахожусь въ школѣ, и видъ этого залива, исключительно оживленнаго ученіемъ, причинилъ мнѣ необъяснимое чувство грусти.

Это оживленіе, не вызванное ни силою событій, ни результатами войны или состояніемъ торговли, показалось мнѣ парадомъ. Но русскимъ должно быть извѣстно—удовольствие-ли парады?! Охота къ смотрамъ доходить у нихъ (1839 г.) до маіи, и вотъ, даже до вступленія моего въ эту страну военныхъ эволюцій, судьба заставляетъ меня присутствовать при ученіи на подѣ!... Я не хочу смѣяться надъ этимъ: ребячество въ грандіозныхъ размѣрахъ—вещь ужасная!

Лордъ Durham высказалъ это лично императору Николаю Павловичу и своею откровенностью поразилъ его въ самое чувствительное мѣсто его властолюбиваго сердца: „русскіе военные корабли—игрушка русскаго императора“ ¹⁾.

Закончивая описаніе своего приближенія къ Кронштадту, путешественникъ говоритъ: „такова мѣстность, прилегающая къ Петер-

¹⁾ Лучшимъ доказательствомъ всей безосновательности этихъ словъ Кюстина можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ опроверженія, написаннаго Гречемъ на книгу Кюстина: „Россія—держава морская и обязана содержать флотъ. Неоспоримо, что эта необходимость существуетъ для нея, и было-бы смѣшно подбирать доказательства противному. Наваринъ, Варна, блокада Константинополя—воспоминанія еще свѣжія, и въ еще болѣе близкое время появленіе русскаго флота въ Босфоръ не освободило развѣ султана отъ египетскаго паши? Чѣмъ короче лѣто, тѣмъ необходимѣе дѣятельно производить маневры, чтобъ поддерживать въ нашихъ морякахъ привычку къ ихъ профессіи. Напротивъ, упущенія въ этихъ упражненіяхъ были-бъ вѣроуны. Очень возможно, что лордъ Durham назвалъ наши корабли игрушками, въ видѣ есть игрушки, шутить которыми очень опасно“. (Examen de l'ouvrage de M. le Marquis de Custine intitulé: „La Russie en 1839“ par N. Gretsch).

бургу; все, что только было въ выборѣ этого мѣста противнаго цѣлямъ природы, истиннымъ потребностямъ великаго народа, пронеслось, значить, въ умѣ Петра Великаго, не поразивъ его? Моря, во что-бы то ни стало, вотъ что говорилъ онъ! Странная для русскаго идея основать столицу славянской имперіи среди финновъ для защиты отъ шведовъ!—Напрасно Петръ говорилъ, что онъ хотѣлъ только дать портъ Россіи; еслибы онъ былъ, какъ говорятъ, гениемъ, онъ долженъ былъ-бы сознать важность этого дѣла, и, что касается меня, я не сомнѣваюсь, что онъ сознавалъ его. Политика и, какъ мнѣ кажется, самолюбіе царя, раздраженное независимостью старыхъ москвитянъ, подготовили судьбы новѣйшей Россіи.

Россіи, подобно человѣку, полному силъ и задыхающемуся отъ ихъ избытка, не достаетъ выходовъ. Петръ I обѣщалъ ей ихъ; онъ открылъ ей Финскій заливъ, не понимая, что море, неизбежно закрытое въ теченіе восьми мѣсяцевъ года, не то, что другія моря. Но ярлычекъ для русскихъ все. Усилія Петра I, его подданныхъ и преемниковъ, какъ-бы удивительны они ни были, дали въ результатъ лишь трудно обитаемый городъ, у котораго Нева оспариваетъ каждую пядь земли при малѣйшемъ порывѣ вѣтра со стороны залива, и откуда всѣ стремятся бѣжать къ югу, хоть на одинъ шагъ, который позволить имъ сдѣлать война. Для бивуака гранитныя набережныя излишни, а эта страна именно изъ тѣхъ, гдѣ могутъ быть затрачены громаднѣйшія усилія для достиженія самыхъ жалкихъ результатовъ“.

Затѣмъ описывается строгость и проволочки таможенныхъ чиновниковъ, овладѣвшихъ пароходомъ. Они дѣлали свое дѣло спокойно, крайне вѣжливо, но съ напускною важностью и съ сознаніемъ значенія выполняемыхъ ими обязанностей, но Кюстинъ готовъ былъ видѣть въ нихъ новыхъ шпионовъ. Они возмущали его; ему не нравилась ихъ механичность. „Видъ этихъ добровольныхъ автоматовъ“, говоритъ онъ, „пугалъ меня. Что-то неестественное представляетъ собою человѣкъ, низведенный на степень простой машины“.

Онъ съ нѣкоторою внутреннею болью замѣтилъ, что, не смотря на интимность, установившуюся во время переѣзда между нимъ и русскими пассажирами, здѣсь, па своей родинѣ, они стали ему совершенно чуждыми, и уѣхали, даже не простившись съ нимъ; пытаясь объяснить причину этого, Кюстинъ говоритъ между прочимъ: „Обитатели сѣвера обладаютъ колеблющимся сердцемъ, неопредѣленностью чувствъ; ихъ привязанности также блѣдны, какъ лучи ихъ солнца; не связанные ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ, охотно покидая землю, на которой родились, созданные для нашествій, народы эти

исключительно предназначены для того, чтобы въ намѣченные Господомъ Богомъ эпохи спускаться отъ полюса для возрожденія южныхъ народовъ, сжигаемыхъ свѣтомъ солнца и огнемъ своихъ собственныхъ страстей“.

Письмо восьмое.

Петербургъ, 11 іюля 1839 г. Вечеръ.

Описывая наружный видъ Петербурга, Кюстинъ довольно долго останавливается на архитектурѣ зданій. Ему не нравится подражаніе русскихъ греческому стилю. Если ужъ нельзя создать чего-нибудь своего, чисто русскаго, національнаго, то не лучше-ли было-бы поискать образцовъ въ Византіи, съ которою русскихъ связываетъ религія, но не въ Афинахъ. Древне греческія постройки строго гармонировали съ характеромъ мѣстности, на которой воздвигались, а здѣсь, въ Петербургѣ, на огромныхъ плоскихъ, монотонныхъ площадяхъ онѣ походятъ на груды гипсу и извести. „Здѣсь природа требовала отъ людей какъ разъ противнаго тому, что они создавали; вмѣсто подражанія языческимъ храмамъ, слѣдовало-бы соорудить зданія со смѣлыми очертаніями, съ вертикальными линіями, чтобы прорѣзать туманъ полярнаго неба и нарушить однообразіе влажныхъ и сѣроватыхъ степей, опоясывающихъ Петербургъ до безконечности. Архитектура, свойственная подобной странѣ — не колоннады Парѳенона, не куполъ Пантеона, а башни Пекина. Человѣку надлежитъ создавать горы тамъ, гдѣ природа отказала въ малѣйшемъ разнообразіи почвы“.

„Какъ-бы вы ни были непріятно поражены подражаніями, портящими видъ Петербурга, нельзя не смотрѣть безъ нѣкотораго удивленія на этотъ городъ, возникшій изъ моря по манію одного человѣка и для своей защиты ведущій непрерывную борьбу съ водой и періодическими наводненіями: это результатъ громадной силы воли, и если не восхищаешься имъ, то боишься: это почти то же, что и уважать“.

Кюстина поражаетъ быстрота постройки Зимняго дворца, но онъ ни на минуту не можетъ отдѣлаться отъ мысли, сколькихъ жертвъ все это стоило. Его возмущаютъ слова русскихъ: „вотъ видите, у васъ три года разсуждаютъ о перестройкѣ театральнаго зала, а у насъ въ одинъ годъ выстраиваютъ самый огромный дворецъ въ мірѣ“¹⁾.

¹⁾ Кюстинъ увѣряетъ, что много гибло работниковъ при постройкѣ курьезно, что, по его увѣренію, Богъ вѣсть на чемъ основанному, работѣ, не

Письмо девятое.

Петербургъ, 12 іюля 1839 г. Утро.

Въ Петербургѣ Кюстинъ остановился въ гостинницѣ Кулона (нынѣ Европейская). Его поразили встрѣченна тамъ нечистота и масса насѣкомыхъ. Пришлось особеннымъ образомъ помѣстить свою кровать, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ нихъ.

Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ первой прогулки по городу, крайне разнообразны. „Прогулка по улицамъ Петербурга въ сопровожденіи лакея, увѣряю васъ, очень интересна и вовсе не походить на прогулки по столицамъ другихъ цивилизованныхъ государствъ міра“.

„Движенія людей, встрѣчаемыхъ мною, говоритъ онъ, казались угловатыми и стѣсненными; каждый жестъ выражалъ волю, но не того, кто дѣлалъ его: всѣ, кого я видѣлъ, шли съ приказаніями“.

На улицахъ онъ восхищается всѣмъ чисто русскимъ: и платьемъ русскаго крестьянина, и его манерой носить его, и русскою упряжью и т. д. По этому поводу онъ пишетъ: „русскому народу присуще чувство живописнаго: его привычки, его обстановка, его утварь, его костюмъ и самая фигура поддаются живописи; поэтому на каждомъ углу въ Петербургѣ можно напасть на сюжетъ для милой жанровой картинки“. Но въ общемъ видъ Петербурга наводитъ его на печальныя размысленія: „воздухъ этой страны враждебенъ искусству; все, что въ другихъ странахъ естественно по своему происхожденію, здѣсь оно удается только въ теплицѣ. Русское искусство всегда будетъ оранжерейнымъ цвѣткомъ“.

Кюстинъ, конечно, побывалъ и въ католической церкви, въ которой погребены Станиславъ Понятовскій и Моро. „Рядомъ съ тѣломъ изгнаннаго короля лежитъ изуродованное тѣло Моро. Императоръ Александръ приказалъ перенести его сюда изъ Дрездена. Мысль соединить останки двухъ людей, столь достойныхъ сожалѣнія, чтобы слить въ одну молитву воспоминаніе объ ихъ неудавшихся судьбахъ, кажется мнѣ одною изъ самыхъ благородныхъ мыслей этого монарха, который, никогда не должно забывать этого, казался великимъ даже при вѣздѣ въ Парижъ, откуда только что выѣхалъ Наполеонъ“.

его мнѣнію, гибли отъ того, что, переходя изъ натопленных до 30° комнатъ на 30° морозъ, они простужались отъ 60° разницы температуръ внутренней и наружной! Чтобы предохранить себя отъ этого, они надѣвали на голову родъ какихъ-то ледяныхъ (?) колпаковъ“.

Н. III.

Описывая домик Петра Великаго, Кюстинъ замѣчаетъ: „эта славная суровость на столько-же обрисовываетъ эпоху и страну, какъ и самого человѣка: тогда въ Россіи все приносилось въ жертву будущему; строили зданія не зная, что дѣлать съ ними, потому что государи, для которыхъ строились эти дворцы, еще не родились, а сами строители столькихъ великолѣпныхъ зданій, не испытывая потребности въ роскоши, довольствовались ролью провозвѣстниковъ цивилизаціи, задолго предшествуя неизвѣстнымъ властелинамъ, для которыхъ съ такою гордостью воздвигали они эти чертоги. Конечно, въ этихъ заботахъ главы и народа о могуществѣ и даже тщеславіи грядущихъ поколѣній сказывается величіе души; эта вѣра живущихъ въ славу своихъ потомковъ заключаетъ въ себѣ что-то благородное и своеобразное. Это чувство безкорыстное, поэтическое и стоящее выше обычнаго уваженія людей и націй къ своимъ предкамъ.

Въ другихъ странахъ большіе города строятся въ память великаго прошлаго, или-же создаются сами собою въ силу сложившихся обстоятельствъ и хода исторіи, безъ посредства, по крайней мѣрѣ внѣшняго, человѣческихъ соображеній: Петербургъ-же со своимъ великолѣпіемъ и обширностью является трофеемъ, воздвигнутымъ русскими своему будущему могуществу. Надежда, возбуждающая такіа усилія, представляется мнѣ божественною! Со времени постройки храма іерусалимскаго никогда еще вѣра народа въ свои судьбы не исторгала изъ земли чуда, подобнаго Петербургу. И что дѣлаетъ особенно удивительнымъ это завѣщаніе, сдѣланное человѣкомъ своей честолюбивой странѣ, это то, что оно было принято исторіей“. Но этотъ какъ-бы по мановенію волшебства создавшійся Петербургъ пробуждаетъ въ немъ и другія мысли: „пусть эта столица, безъ корней въ исторіи и почвѣ, хоть на одинъ день забудется своимъ властелиномъ, пусть новая политика перенесетъ мысли государя въ другое мѣсто—гранитъ, скрытый подъ водою, разрушится, низменная земля залъется водою и вернется въ свое естественное положеніе, а хоззяева пустыни снова вступятъ въ обладаніе своими логовищами“.

Письмо десятое.

12 іюля 1839 г. Вечеръ.

Въ началѣ письма Кюстинъ описываетъ прогулку на острова „Русскіе“, говоритъ онъ, „справедливо гордятся этимъ садомъ, съ такимъ трудомъ вырваннымъ изъ болотистой петербургской почвы; но если природа побѣждена, она помнитъ о своемъ пораженіи и

покоряется лишь съ неудовольствіемъ: болота начинаются по другую сторону изгороди парка. И меньше останавливался-бы на неблагопріятномъ характерѣ этой одѣленной природою почвы, не такъ сожалѣлъ-бы солнце юта, путешествуя по сѣверу, если-бы русскіе усвоили себѣ привычку менѣе пренебрегать тѣмъ, чего недостаетъ ихъ странѣ: ихъ самодовольство простирается даже на климатъ, на землю; естественно склонные къ хвастовству, они сдѣлались фатами по отношенію къ природѣ, точно также какъ гордятся окружающимъ ихъ обществомъ. Ничто не сравнится въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ съ роскошью цвѣтовъ на ихъ дачахъ, остальное время года остающихся подъ снѣгомъ, но все-таки и подъ этимъ искусственнымъ изыществомъ проглядываетъ природный характеръ туземцевъ: страсть блистать — преобладающая страсть русскихъ; поэтому и въ ихъ гостинныхъ цвѣты ставятся не такъ, чтобы сдѣлать видъ комнатъ болѣе пріятнымъ, но такъ, чтобы имъ удивлялись извнѣ; совершенно противное наблюдается въ Англіи, гдѣ прежде всего бояться рисовки на улицѣ ¹⁾.

Цѣль сѣверной цивилизаціи серьезна. Въ этомъ климатѣ общество является не плодомъ удовольствій человѣка, его интересовъ и страстей, легко удовлетворяемыхъ, но упорствующей и встрѣчающей противодѣйствіе воли, наталкивающей его на невообразимыя усилія. Если отдѣльныя особи и соединяются здѣсь, то лишь для борьбы съ мятежной природой, не легко поддающейся предъявляемымъ къ ней требованіямъ. Эта бѣдность, скудость физическаго міра поражаетъ скуку.... Драма здѣсь разыгрывается въ дѣйствительной жизни, и театръ предоставляется водевилю, никому не причиняющему страха; въ области сцены здѣсь предпочитаютъ Gymnase, а изъ чтенія—Польде Кока. Пустыя развлечения—единственные, дозволенные въ Россіи. При такомъ порядкѣ вещей дѣйствительная жизнь слишкомъ важна, чтобы создалась серьезная литература (!!). Слова: миръ, счастье настолько-же неопредѣленны здѣсь, какъ слово рай. Безпробудная лѣнь, тревожная бездѣятельность—вотъ неизбежный результатъ сложившихся условій русской жизни“.

Кюстинъ называетъ русскій народъ красивымъ и находитъ даже, что профиль русскаго крестьянина напоминаетъ профиль греческихъ статуй; женщины, по его мнѣнію, менѣе красивы.

Затѣмъ онъ знакомитъ читателя съ русскимъ крѣпостнымъ пра-

¹⁾ Такъ много говоря о нашемъ климатѣ, Кюстинъ какъ разъ упускаетъ изъ виду, что именно недостатокъ необходимаго для цвѣтовъ свѣта и заставляетъ выставять ихъ на окна.

вомъ. Интересно слѣдующее его замѣчаніе: „освободите вдругъ этихъ людей—и вы поднимете всю страну. Въ тотъ моментъ, когда рабы, отдѣленные отъ земли, увидѣли-бы, что ее продаютъ, нанимаютъ, обрабатываютъ безъ нихъ, они поднялись-бы массами, крича, что отъ нихъ отнимаютъ ихъ собственность“. Участь этихъ несчастныхъ постоянно преслѣдуетъ Кюстина, и вся встрѣчаемая имъ роскошь не радуетъ его: она представляется ему оплаченной не деньгами, а живыми душами.

„Я не ставлю въ вину русскимъ того, каковы они, но я поражаюсь въ нихъ притязанію казаться тѣмъ-же, что мы. Они еще не культивированы; это состояніе даетъ широкій просторъ надеждамъ, но я вижу ихъ безпрестанно занятыми обезьянчаньемъ съ другихъ націй, къ тому-же и подражаютъ-то они имъ чисто какъ обезьяны, смѣясь надъ неренимаемымъ, и я говорю себѣ: вотъ люди, пропавшіе для дикаго состоянія и потерянные для цивилизаціи“; мнѣ невольно вспоминаются страшныя слова Вольтера или Дидро, забытыя во Франціи: „русскіе сгнили прежде, чѣмъ созрѣть“.

„Въ Петербургѣ все имѣетъ роскошный, блестящій, довольный видъ, но вы ошиблись-бы, если-бы о дѣйствительности судили по этой внѣшности. У русскихъ есть названія всего, но у нихъ нѣтъ самихъ вещей: они богаты лишь рекламами; прочтите этикетки, и у нихъ есть цивилизація, общество, литература, театры, искусства, науки, но у нихъ нѣтъ докторовъ. Находящіеся-же при дворѣ могли-бы скорѣе служить хорошими хроникерами придворной жизни“....

— „Я замѣчаю, что меня здѣсь боятся, потому что знаютъ, что я пишу съ убѣжденіемъ“.

По возвращеніи вечеромъ домой, Кюстинъ нашелъ у себя разрѣшеніе безъ предварительнаго представленія государю присутствовать на бракосочетаніи великой княжны Маріи Николаевны. Это послужило признакомъ особой милости къ нему со стороны монарха.

Письмо одиннадцатое.

14-го іюля 1839 г., какъ разъ въ день
пятидесятилѣтія разрушенія Бастиліи
(14-го іюля 1789 г.).

„Обратите, прежде всего, вниманіе на числа, совпаденіе которыхъ кажется мнѣ довольно интереснымъ. Начало нашихъ революцій и бракосочетаніе сына Евгеніи Богарне совпадаютъ въ одинъ и тотъ-же день по прошествіи пятидесяти лѣтъ.

И возвратился изъ дворца, гдѣ присутствовалъ въ придворной церкви при всѣхъ церемоніяхъ вѣнчанія по греческому обряду вел. кн. Маріи Николаевны съ принцемъ Лейхтенбергскимъ. Я не замедлю описать вамъ все это въ подробностяхъ, но прежде всего хочу поговорить объ императорѣ Николаѣ.....

...Однако изрѣдка проблески доброты смягчаютъ повелительный или императорскій взоръ ¹⁾ властелина, и тогда выраженіе привѣтливости проявляетъ вдругъ природную красоту этой античной головы. Въ сердцѣ отца и мужа человѣчность торжествуетъ моментами надъ политикой государя. Когда онъ самъ отдыхаетъ отъ ига, тяготящаго надъ всѣми по его волѣ, онъ кажется счастливымъ. Эта борьба прирожденнаго чувства человѣческаго достоинства съ усвоеннымъ имъ себѣ видомъ строгости правителя представляется мнѣ очень интересной для наблюденій, и вотъ чѣмъ была занята у меня большая часть времени въ церкви.

Императоръ на полъ головы выше обыкновеннаго роста; его фигура благородна, хотя нѣсколько сурова; онъ съ молодости усвоилъ себѣ привычку стягиваться выше поясицы, чтобъ заставить желудокъ втягиваться въ грудь; вслѣдствіе этого происходитъ расширение боковъ, и эта выпуклость, не очень естественная, вредитъ здоровью и красотѣ туловища. Добровольная неправильность, стѣсняющая свободу движеній, уменьшаетъ изящество фигуры и кладетъ на нее отпечатокъ суровости.

У него греческій профиль, высокій, но откинутый назадъ лобъ, прямой и прекрасной формы носъ, очень красивый ротъ, благородное овальное, но нѣсколько продолговатое лицо, военный и — славянскій видъ.

Его походка и манера держать себя непринужденно—внушительны.

Онъ всегда подготовленъ къ тому, что на него будутъ смотрѣть, и ни на минуту не забываетъ никогда, что на него смотреть; вы скажете даже, что онъ хочетъ быть цѣлью всѣхъ взоровъ. Ему слишкомъ часто повторяли или слишкомъ часто давали поводъ предполагать, что онъ красивъ и пріятенъ взорамъ друзей и недруговъ Россіи.

Большую часть своего времени императоръ проводитъ на открытомъ воздухѣ, на смотряхъ или въ непродолжительныхъ путешествіяхъ; поэтому лѣтомъ тѣнь отъ его военной шляпы проводитъ по его загорѣлому лицу косую линію, показывающую дѣйствіе солнца на

¹⁾ Игра словъ: „impérieux“ и „impérial“.

кожу, бѣлизна которой начинается съ мѣста, защищаемаго головнымъ уборомъ; линия эта производитъ странное впечатлѣніе, но далеко не непріятное, потому что тотчасъ угадывается ея происхожденіе.

Внимательно всматриваясь въ прекрасную фигуру этого человека, отъ воли котораго зависитъ жизнь столькохъ тысячъ людей, я съ невольнымъ сожалѣніемъ замѣтилъ, что онъ не можетъ улыбаться глазами и ртомъ одновременно: противорѣчіе, свидѣтельствующее о постоянной принужденности и заставляющее сожалѣть о тѣхъ оттѣнкахъ естественной граціи, которыми восхищались на менѣе правильномъ, но болѣе пріятномъ лицѣ его брата, императора Александра. Послѣдній, всегда очаровательный — видъ, императоръ Николай чисто-сердечнѣе, но обычное выраженіе строгости придаетъ ему иногда суровый и непреклонный видъ; если онъ менѣе обворожительнѣе, у него болѣе воли, и онъ очень часто принужденъ бываетъ проявлять ее: грація охраняетъ власть, предупреждая противодѣйствіе. Эта искусная осторожность въ употребленіи власти—тайна, неизвѣстная императору Николаю. Онъ всегда остается человѣкомъ, желающимъ, чтобы ему повиновались....

У императрицы фигура менѣе изящна, но, не смотря на ея чрезмѣрную худобу, полна, по моему мнѣнію, неуловимой граціи. Ея манера держаться, далеко не горделивая, какъ говорили мнѣ, обнаруживаетъ въ гордой душѣ привычку покорности. При входѣ въ церковь, она была сильно взволнована и казалась мнѣ просто умирающей: нервная судорога проходила по ея лицу, а иногда даже заставляла ее тряссти головой; ея впавшіе глубокіе и кроткіе глаза выдають сильныя страданія, переносимыя съ ангельскимъ спокойствіемъ; ея взглядъ, полный чувства, производитъ тѣмъ болѣе впечатлѣніе, что она менѣе всего заботится объ этомъ; преждевременно разрушенная, она не имѣетъ возраста, и, увидѣвъ ее, нельзя отгадать ея лѣтъ; она до того слаба, что можно было-бы сказать, что ей не хватаетъ необходимаго въ жизни; она впадаетъ въ сухотку и уже не отъ міра сего: это одна лишь тѣнь. Императрица никогда не могла оправиться отъ волненій, испытанныхъ ею въ день воцаренія....

Всѣ видятъ состояніе императрицы, и никто не говоритъ о немъ; императоръ любитъ ее; лихорадка-ли у ней, лежитъ-ли она въ постели, онъ самъ ухаживаетъ за нею, проводитъ возлѣ нея ночи, приготовляетъ ей питье, какъ сидѣлка, заставляетъ проглатывать его, но какъ только она оправится, онъ вновь утомляетъ ее волненіями, празднествами, путешествіями; правда, какъ только опасность проявится, онъ отказывается отъ своихъ намѣреній

но бояться предосторожностей, которыя могли-бы предотвратить зло: жена, дѣти, слуги, родные, фавориты—все должно кружиться въ императорскомъ вихрѣ, съ улыбкой на устахъ, до самой смерти...

Что касается цивилизаціи, то до сихъ поръ русскіе довольствовались только внѣшностью, но если когда-либо они будутъ въ состояніи отмстить за свою дѣйствительную отсталость, то жестоко заставятъ насъ искупить наши преимущества“.

При выходѣ изъ кареты у Зимняго дворца, съ Кюстиномъ случилось забавное несчастіе: онъ зацѣпилъ шпорой о подножку кареты, и каблукъ отлетѣлъ вмѣстѣ со шпорой.

„Это приключеніе, случившееся какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я долженъ былъ предстать на глаза человѣку, по рассказамъ, настолько-же педантичному въ мелочахъ, насколько онъ выше и могущественнѣе всѣхъ,—показалось мнѣ истиннымъ несчастіемъ. Что дѣлать? Спрятаться въ толпѣ? Но въ Россіи нигдѣ не бываетъ толпы, до того здѣсь всюду много мѣста; отъ взгляда придворныхъ тоже не ускользнешь, а между тѣмъ русскіе холодны, хитры, насмѣшливы, остроумны и, по природѣ своей, мало деликатны, какъ всѣ вообще честолюбцы, и мнѣ не хотѣлось-бы подвергнуться ихъ смѣху съ перваго-же моего появленія. Они особенно недовѣрчивы къ иностранцамъ, мнѣнія которыхъ опасаются, потому что считаютъ ихъ дурно расположенными къ нимъ; это заранѣе дѣлаетъ ихъ враждебными намъ, колкими и раздраженными, хотя по наружности они гостепріимны и вѣжливы“.

Все-таки пришлось явиться въ церковь безъ одного каблука, но всѣ были настолько заняты блестящимъ зрѣлищемъ, что лишь немногіе замѣтили недостатокъ его туалета.

Хотя Кюстину совѣтовали явиться на торжество бракосочетанія великой княжны въ мундирѣ національной гвардіи, но онъ побоялся сдѣлать этимъ непріятное государю и явился въ мундирѣ генеральнаго штаба. Рассказывая о самомъ обрядѣ службы, онъ замѣчаетъ: „обряды греческаго бракосочетанія продолжительны и величественны. Они тѣмъ болѣе внушительны, что напоминаютъ обычаи первобытной церкви. Въ восточной церкви все служить символомъ“.

Великолѣпіе обстановки произвело на него ослѣпляющее впечатлѣніе: „Здѣсь было столько сокровищъ, что они могли бы поразить самое непоэтическое воображеніе. Это зрѣлище подобно самымъ фантастическимъ описаніямъ изъ „Тысячи и одной ночи“; это поэтично, какъ Лала-Рукъ, какъ Чудесная Лампочка; это родъ восточной поэзіи, гдѣ ощущеніе служитъ источникомъ чувства и

мысли. Я мало что видѣлъ подобное, по великолѣпію и торжественности, появленію императора въ церкви, блистающей золотомъ. Молодые супруги сіяли. Бракъ по наклонности въ шитыхъ золотомъ платьяхъ и при столь пышной обстановкѣ такая рѣдкость, что это возбуждало еще большее любопытство. Вотъ что слышалось вокругъ меня, но мнѣ не вѣрится этому чуду, и я не могу отдѣлаться отъ наклонности видѣть какое-либо политическое намѣреніе во всемъ, что дѣлается и говорится здѣсь. Императоръ, пожалуй, и самъ обманывается; онъ хотѣлъ поступить съ отеческою нѣжностью, но въ глубинѣ его души этотъ выборъ былъ обусловленъ надеждою на какую-либо выгоду въ будущемъ. Честолюбіе подобно скупости: скупой разсчитываетъ даже тогда, когда поддается безкорыстному влеченію.

Все великолѣпно здѣсь, но еще болѣе должно удивлять насъ, если вспомнимъ то не такъ еще отдаленное время, когда бракъ царской дочери былъ-бы почти неизвѣстенъ Европѣ, и когда Петръ I объявлялъ, что ему принадлежитъ право оставить престолъ кому вздумается. Какой шагъ впередъ въс толь немногіе годы!

Когда размышляешь о дипломатическихъ и другихъ побѣдахъ этой державы, еще такъ недавно не имѣвшей значенія въ судьбахъ цивилизованнаго міра, невольно является сомнѣніе — не сонъ-ли все это. Казалось, самъ императоръ не совсѣмъ привыкъ ко всему, происходившему передъ нимъ, потому что ежеминутно оставлялъ свой наложникъ (?) и направлялся то въ ту, то въ другую сторону, чтобы исправлять погрѣшности своихъ дѣтей или духовенства противъ этикета. Если зять его не стоялъ на надлежащемъ мѣстѣ, онъ заставлялъ его то нѣсколько отступить, то поддаться впередъ ¹⁾.

Августѣйшая молодая полна граціи, невинности; она бѣлокура, съ голубыми глазами; цвѣтъ лица нѣжный и блистаетъ первою молодостью; выраженіе лица умное и чистосердечное. Она и ея сестра, великая княжна Ольга, показались мнѣ самыми красивыми изъ всего двора. Счастливое сочетаніе преимуществъ положенія съ дарами природы!

Когда совершавшій службу митрополитъ подвелъ молодыхъ къ яхъ августѣйшимъ родителямъ, послѣдніе обняли ихъ съ трогательною сердечностью. Момента спустя, императрица бросилась въ

¹⁾ Что необыкновеннаго могъ видѣть Кюстинъ въ томъ, что Николай Павловичъ дѣлалъ указанія своему будущему зятю, католику, незнакомому съ обрядами православной церкви?

объятія своего мужа: проявленіе пѣжности, болѣе подходящее къ комнатѣ, чѣмъ къ церкви. Впрочемъ, расстроганность императрицы казалась вполнѣ произвольной

. Горетѣмъ, которые способны назвать страннымъ волненіе, возбужденное истиннымъ чувствомъ. Подобный порывъ чувствительности сообщителемъ...

Передъ благословеніемъ два сѣрыхъ голубка были впущены по обычаю (?), въ церковь; они тотчасъ-же помѣстились на золоченномъ карнизѣ, выступавшемъ какъ разъ надъ головами молодыхъ, и тамъ въ продолженіе всей службы ворковали другъ съ другомъ.

Голуби очень счастливы въ Россіи: ихъ чтутъ, какъ символъ Святаго Духа, и убивать ихъ запрещено; хорошо, что вкусъ ихъ мяса не нравится русскимъ.

Герцогъ Лейхтенбергскій — молодой человѣкъ, высокаго роста, хорошо и крѣпко сложенный; черты его лица вовсе не носятъ отпечатка знатности; глаза хороши, но ротъ слишкомъ выдается и не очень правильной формы; фигура прекрасна. мундиръ вполнѣ идетъ къ нему

Изъ его родственниковъ никто не явился въ Петербургъ для присутствованія на торжествѣ.

Во время службы, онъ, казалось, чувствовалъ особенное нетерпѣніе очутиться наединѣ съ своей женою, и взоры всего общества невольно обращались къ группѣ двухъ голубей, взмостившихся надъ алтаремъ.

Во время длиннаго обряда вѣнчанія есть минута, когда всѣ присутствующіе должны стать на колѣни. Императоръ, прежде чѣмъ послѣдовать общему примѣру, бросилъ на все общество не очень милостивый, наблюдательный взглядъ. Мнѣ казалось, онъ хотѣлъ удостовѣриться, не остался-ли кто-либо стоять,—предосторожность излишняя, потому что хотя тамъ и были католики и протестанты, никому изъ нихъ, конечно, и въ голову не пришло-бы не подчиниться внѣшнимъ образомъ всѣмъ обрядамъ восточной церкви.

Въ тотъ моментъ, когда духовенство и хоръ начали молебень, выстрѣлы изъ пушекъ возвѣстили городу о совершеніи бракосочетанія. Дѣйствіе этой небесной музыки, сопровождаемой пушечными выстрѣлами, звономъ колоколовъ и отдаленными кликами народа—не поддается выраженію. Всякій музыкальный инструментъ изгнанъ изъ греческой церкви, и одни лишь человѣческіе голоса

воздають тамъ хвалу Господу. Эта строгость восточнаго обряда благопріятна искусству и, сохраняя всю его простоту, производитъ впечатлѣніе истинно божественное. Мнѣ казалось, я слышалъ біеніе сердець шестидесяти милліоновъ подданныхъ. Живой оркестръ сопровождалъ торжественно радостное пѣніе духовенства, не заглушая его. Я былъ взволнованъ: музыка способна заставить забыть на время все, даже деспотизмъ.

Я могу сравнить эти хоры только съ Miserere въ святую недѣлю въ Римѣ въ Сикстинской капеллѣ, съ тою только разницей, что теперешняя капелла папы есть только тѣнь того, чѣмъ она была когда-то. Среди развалинъ Рима одною развалиною стало болѣе.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія, когда итальянская школа находилась еще во всемъ своемъ блескѣ, древне греческіе напѣвы были передѣланы, безъ искаженія ихъ, нарочно выписанными изъ Рима въ Петербургъ композиторами; эти иностранцы создали *chef-d'oeuvre*, потому что ихъ умъ и все ихъ искусство были склонны уважать твореніе древности. Ихъ трудъ сталъ классическимъ твореніемъ, и исполненіе достойно замысла: голоса сопрановъ, т. е. дѣтей, потому что ни одна женщина не входитъ въ составъ императорской капеллы, поютъ совершенно правильно; басы сильны, густы и чисты. Я не помню, чтобы слышалъ прежде что-нибудь подобное.

Для любителей искусства императорская капелла стоить того, чтобы ради ея одной предпринять путешествіе въ Петербургъ; *piano, forte*, самые нѣжные оттѣнки въ экспрессіи соблюдались съ глубокимъ чувствомъ, поразительнымъ искусствомъ и удивительнымъ *ensemble*мъ: русскій народъ музыкаленъ; въ этомъ нельзя сомнѣваться, услыхавъ его церковное пѣніе. Я слушалъ, не смѣя перевести дыханія, и всѣми силами призывалъ нашего ученаго друга Мейерберга для объясненія красотъ, глубоко прочувствованныхъ, хотя и не понятыхъ мною; онъ понялъ-бы ихъ, вдохновившись ими: потому что его способъ восхищаться образцами творчества заключается въ достиженіи ихъ совершенствъ.

Во время молебна, въ моментъ, когда одинъ хоръ отвѣчаетъ другому, растворяются царскія врата и видны священники въ ихъ блистающихъ драгоценными камнями одѣяніяхъ, на которыхъ величественно выдѣляются ихъ серебристо-бѣлыя бороды; у нѣкоторыхъ онѣ ниспадаютъ до пояса. Присутствующіе также блестящи, какъ и священнослужители. Этотъ дворъ великолѣпенъ, и военный мундиръ блистаетъ въ немъ во всей своей силѣ. И съ восхищеніемъ видѣлъ, какъ всѣ почитали Господа всѣмъ этимъ блескомъ, всѣми этими сокровищами. Священная музыка

была выслушана несвященною аудиторіей молчаливо, со средоточенностью, способною сдѣлать прекраснымъ и менѣе божественное пѣнье.

Совѣршавшій службу митрополитъ не нарушалъ величія этой картины; онъ некрасивъ, но старъ: его маленькая фигура походитъ на страждущую ласочку; голова его убѣлена годами. и онъ кажется истомленнымъ и больнымъ: старый и слабый священникъ не можетъ быть (однако не на мѣстѣ). Въ концѣ молебна императоръ подошелъ къ нему и, наклонившись, съ уваженіемъ поцѣловалъ его руку. И восхищался этимъ бѣднымъ митрополитомъ, казалось, умиравшимъ среди своей славы, этимъ императоромъ съ величественною фигурою, благороднымъ лицомъ, склонявшимся передъ духовною властью, — а тамъ далѣе, два молодыхъ супруга, семейство, толпа, наконецъ весь дворъ, наполнявшій и оживлявшій церковь—все это представляло хорошій сюжетъ для картины.

Передъ началомъ службы я боялся, что митрополитъ упадетъ въ обморокъ: дворъ заставилъ долго прождать себя, вопреки изреченію Людовика XVIII: „точность — вѣжливость королей“.

Несмотря на хитрое выраженіе лица у него, этотъ старикъ. возбудилъ во мнѣ чувство жалости: онъ былъ такъ немощенъ, выдерживалъ усталость съ такимъ терпѣніемъ, что я сожалѣлъ его. Не все-ли равно, въ чемъ источникъ этого терпѣнія—въ благочестіи или въ честолюбіи, оно было подвергнуто жестокому испытанію...“

На обратномъ пути, всматриваясь въ наружность города, Кюстинъ замѣчаетъ: „пустота, царящая здѣсь повсюду, заставляетъ всѣ зданія и памятники казаться слишкомъ ничтожными, въ сравненіи съ пространствомъ; они теряются среди неизмѣримости. Александровская колонна, благодаря размѣрамъ своего пьедестала, значительно выше Вандомской, ея стержень изъ цѣльнаго куска гранита, самого громаднаго изъ всѣхъ, когда-либо обработанныхъ рукою человѣка.... И что-же? Эта гигантская колонна производитъ на васъ впечатлѣніе кола, а окружающія площадь зданія кажутся до того плоскими и низкими, что напоминаютъ собою заборъ... Часть площади, противоположная Зимнему дворцу, идетъ полукругомъ и замыкается зданіями, гдѣ помѣщены нѣсколько министерствъ; они построены большею частью, въ древне-греческомъ стилѣ. Станный вкусъ!.. Храмы—воздвигнутые чиновникамъ! На другомъ концѣ этой огромной площади, противоположномъ Александровской колоннѣ, высится

Исакиевскій соборъ со своей громадной колопнадой, съ позолоченымъ куполомъ, еще на половину скрытый подъ тѣсами; далѣе видны сѣнати и другія зданія, напоминающія языческіе храмы, хотя они и служатъ помѣщеніемъ для военнаго министерства. Затѣмъ, на выдающейся части, образуемой площадью и обращенной къ Невѣ, видишь или пытаешься различить статую Петра Великаго на гранитномъ пьедесталѣ, теряющуюся въ этой безграничности, какъ камышекъ на морскомъ берегу. Статуя героя стала слишкомъ извѣстной, благодаря гордости женщины, воздвигшей ее, но она несравненно ниже своей репутаціи. Всѣми зданіями, находящимися на этой площади, можно было-бы застроить цѣлый городъ, а между тѣмъ они даже не заполняютъ ея. Петербургъ—это поле, но не хлѣба, а колоннъ. Усилія русскихъ напрасны. Древніе строились на высокихъ и не разбросанныхъ мѣстахъ, гдѣ живописность мѣстности усиливала впечатлѣніе твореній рукъ человѣческихъ. Русскіе-же, думая воспроизвести древнихъ и только неумѣло подражая имъ, наоборотъ, раскидываютъ свои, такъ называемыя, греческія и римскія, постройки, на безграничныхъ поляхъ, гдѣ онѣ еле замѣтны глазу. Вотъ почему въ этихъ городахъ, гдѣ имѣли притязаніе возсоздать римскій форумъ, невольно вспоминаешь о степяхъ Азіи ¹⁾. Старанія ихъ будутъ напрасны и въ будущемъ: „Россія всегда будетъ болѣе примыкать къ Азіи, чѣмъ къ Европѣ. Духъ востока паритъ надъ Россіей, отрекающейся отъ самой себя, когда она начинаетъ идти по стопамъ запада“.

Древніе строили изъ трудно поддающагося вліянію времени матеріала, подъ благопріятнымъ небомъ, а здѣсь, хотя всѣ условія совершенно другія, а все-таки неутомимо подражаютъ сооруженіямъ странъ теплыхъ! Полярныя пустыни покрываютъ статуями, барельефами, должностствующими увѣковѣчить исторію, забывая, что въ этой странѣ зданія кратковременнѣе самихъ воспоминаній.

Скульптуры на открытомъ воздухѣ напоминаютъ мнѣ экзотическія растенія, которыя необходимо укрывать каждую осень.

Этотъ городъ съ его гранитными набережными—чудо, но ледяной домъ, въ которомъ императрица Елизавета ²⁾ давала праздники, тоже чудо; онъ существовалъ столько-же времени, какъ и хлопья снѣгу, эти розы Сибири. Русскіе принимаютъ за все, но можно сказать, что еще не кончивши начатаго, они уже думаютъ: „когда-же мы бросимъ

¹⁾ Этотъ упрекъ относится только къ зданіямъ, построеннымъ со временъ Петра I; русскіе среднихъ вѣковъ, когда они строили свой Кремль, прекрасно сумѣли цѣнить архитектуру, отвѣчавшую странѣ и духу.

²⁾ Не Елизавета, а Анна Іоанновна.

Прим. авт.
Н. III.

все это? Петербургъ похожъ на лѣса какого-либо зданія: лѣса падутъ, когда само зданіе будетъ готово. Это *chef-d'oeuvre*, но не архитектуры, а политики: въ глубинѣ тайныхъ помысловъ русскихъ новая Византія—вотъ будущая столица Россіи и всего міра.

До сихъ поръ въ созданіяхъ русскихъ императоровъ я видѣлъ не любовь къ искусству, а человѣческое самолюбіе.

Среди разнаго хвастовства, я слышалъ отъ многихъ русскихъ, что климатъ ихъ смягчается. Неужели-же самъ Богъ причастенъ честолюбію этого жаднаго народа? Неужели Ему угодно отдать даже небо, даже воздухъ юга, и мы увидимъ Афины въ Лапландіи Римъ въ Москвѣ и богатства Темзы на Финскомъ заливѣ?!... Или исторія народовъ сводится къ простому вопросу широты и долготы, развѣ міръ всегда будетъ видѣть однѣ и тѣ-же сцены, только на различныхъ театрахъ?

Это притязаніе, какъ-бы смѣшно оно ни было, доказываетъ вамъ до чего можетъ дойти честолюбіе русскихъ“.

Кюстинъ уѣхалъ изъ церкви послѣ окончанія греческаго обряда вѣнчанія, такъ какъ у него не было приглашенія ни на католическій обрядъ, ни на имѣвшій послѣдовать затѣмъ обѣдъ. Въ это время какъ разъ разразилась страшная гроза. Описывая ее, онъ говоритъ: „таково было зрѣлище, ниспосланное небомъ на время свадебнаго обѣда царской дочери“.

Въ концѣ письма онъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: „между Франціей и Россіей стоитъ китайская стѣна: славянскій языкъ и характеръ. Вопреки всѣмъ притязаніямъ русскихъ, порожденнымъ Петромъ Великимъ, Сибирь начинается отъ Вислы“.

Продолженіе одиннадцатаго письма.

14-го іюля.

„Вчера вечеромъ, въ семь часовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими иностранцами, я вернулся во дворецъ. Мы должны были представиться императору и императрицѣ.

Видно, что императоръ ни на минуту не можетъ забыть ни того что онъ, ни постоянно возбуждаемаго имъ вниманія; онъ позируетъ безпрестанно и, слѣдовательно, никогда не бываетъ естествененъ, даже и тогда, когда бываетъ чистосердеченъ; его лицу присущи три рода выраженій, но ни одно изъ нихъ не проявляетъ доброты самой по себѣ. Самымъ обычнымъ выраженіемъ представляется мнѣ строгое; второе, болѣе рѣдкое, но, быть можетъ, болѣе подходящее къ этой прекрасной фигурѣ—торжественное; третье-же — выраженіе учти-

ности и въ немъ-то проглядываютъ иногда отбѣнки граціи, смягчающіе холодное удивленіе, вызываемое двумя первыми....

Мнѣ кажется, что это замѣчаніе можно обратить въ его пользу: онъ добросовѣстно служитъ своему долгу. Со своимъ ростомъ, пре-восходящимъ ростъ обыкновенныхъ смертныхъ, какъ его престолъ возвышается надъ всѣми прочими сидѣніями, онъ обвинилъ-бы самого себя въ слабости, еслибы хотъ на минуту держалъ себя совершенно запросто и позволилъ замѣтить, что и онъ живетъ, думаетъ и чувствуетъ какъ всѣ прочіе смертные. Но не раздѣляя, повидимому, ни одной изъ нашихъ наклонностей, онъ постоянно является начальникомъ, судьей, генераломъ, адмираломъ, наконецъ монархомъ, но ни болѣе, ни менѣе. Къ концу своей жизни, онъ почувствуетъ себя сильно утомленнымъ, но зато высоко станетъ въ памяти своего народа, а, быть можетъ, и цѣлаго міра, потому что толпа любитъ усилія, вызывающія удивленіе у нея; она чувствуетъ невольную гордость, видя старанія, прилагаемыя для ея ослѣпленія.

Лица, знавшія императора Александра, хвалятъ въ немъ совершенно другое: какъ достоинства, такъ и недостатки обоихъ братьевъ были противоположны; въ нихъ не было ничего общаго, и они не чувствовали никакой симпатіи другъ къ другу.

Нынешній императоръ только въ кругу своего семейства забываетъ свое верховное величіе. Только тамъ вспоминаетъ онъ, что человѣкъ имѣетъ присущія его природѣ удовольствія, независимыя отъ его государственныхъ обязанностей. Но крайней мѣрѣ, относительно его я полагаю, что именно это безкорыстное чувство привязываетъ его къ семейному очагу; безъ сомнѣнія, его семейныя добродѣтели облегчаютъ ему управленіе, обезпечивая всеобщее уваженіе, но я увѣренъ, что онъ остался бы вѣренъ имъ и безъ этихъ соображеній.

У русскихъ верховную власть почитаютъ подобно религіи, влияніе которой остается независимымъ отъ личныхъ достоинствъ священнослужителей, и такъ какъ при подобномъ взглядѣ добродѣтели государя остаются въ сторонѣ, то слѣдовательно онъ исполнѣ искренни, когда проявляются.

Еслибы я жилъ въ Петербургѣ, я сдѣлался-бы придворнымъ, не изъ любви къ власти, не изъ жадности и не изъ дѣтскаго тщеславія, но лишь изъ желанія открыть какъ-нибудь способъ проникнуть въ душу этого исключительнаго человѣка, такъ сильно отличающагося отъ всѣхъ прочихъ; неотзывчивость у него не природный недостатокъ, но неизбѣжный результатъ положенія, не имъ избраннаго,

которое онъ и покинуть не можетъ. Отказаться отъ оспариваемой власти часто значить отомстить, отказаться-же отъ власти неограниченной — просто трусость.

Не знаю, дано-ли природой императору Николаю сердце, открытое для дружбы, но я чувствую, что надежда проявить безкорыстную привязанность къ человѣку, которому общество отказывало въ равныхъ ему, можетъ замѣнять честолюбіе. Неограниченный монархъ болѣе всѣхъ страдаетъ нравственно отъ неравенства положеній, и его горе тѣмъ значительнѣе, что, возбуждая зависть толпы, оно должно казаться неизлѣчимымъ тому, на кого обрушилось.

Опасность даже придавала-бы моему усердію прелесть энтузіазма. Какъ, скажутъ, привязанность къ человѣку, неимѣющему ничего человѣческаго, строгое лицо котораго внушаетъ постоянно уваженіе, смѣшанное съ боязнью, чей твердый и упорный взглядъ, исключая возможность фамиллярности, принуждаетъ къ повиновенію, чей ротъ, улыбаясь, никогда не гармонируетъ съ выраженіемъ глазъ, къ человѣку, ни на минуту не забывающему, что онъ неограниченный властелинъ! Почему-же нѣтъ? Во всемъ этомъ я вижу вынужденную привычку, но не сущность характера, и мнѣ кажется, что я разгадалъ этого человѣка, на котораго вы клевете вашимъ страхомъ, вашими предосторожностями и лестью, и вижу, чего стоитъ ему выполненіе его обязанностей, какъ государя.

Что касается двора, то онъ производитъ впечатлѣніе театра, гдѣ актеры проводили-бы свою жизнь въ генеральныхъ репетиціяхъ.

.....,
..... Я предпочитаю Азію: тамъ болѣе гармонія. Въ Россіи-же, съ каждымъ сдѣланнымъ вами шагомъ, вы поражаетесь послѣдствіями, обусловленными новизной порядка и учрежденій и неопытностью людей. Все это старательно скрывается, но путешественнику не много нужно наблюдательности, чтобъ замѣтить то, что не желаютъ ему показывать.

.....
Представьте же себѣ, что долженъ былъ перестрадать онъ, чтобы выработать въ себѣ главу славянъ? — Принужденность постоянно одерживать побѣду надъ самимъ собою, чтобы царствовать надъ другими, не объясняетъ-ли намъ напряженности новаго патріотизма императора Николая?...

Чтобы ускользнуть отъ налагаемаго имъ самому себѣ гнета, онъ ѣздитъ верхомъ, ходитъ, дѣлаетъ смотры, ведетъ маленькія войны, даетъ праздники, производитъ ученіе флоту—и все это въ одинъ и тотъ же день; болѣе всего опасаются при этомъ дворъ отдыха, и отсюда

я заключилъ, что зато нигдѣ и не скучаютъ такъ, какъ здѣсь. Императоръ безпрестанно путешествуетъ; онъ проѣзжаетъ, по крайней мѣрѣ, полторы тысячи миль въ каждое время года, и не допускаетъ, чтобы у прочихъ не было столько-же силъ, какъ у него. Императрица любитъ его, боится оставить его одного, повсюду слѣдуетъ за нимъ, насколько позволяютъ ей силы, и умираетъ отъ утомленія; она привыкла вести жизнь чисто внѣшнюю. Этотъ родъ разсѣянiя, сдѣлавшiйся необходимымъ ея уму, убиваетъ ея тѣло“.

Кюстинъ былъ представленъ Николаю Павловичу не французскимъ посломъ, а, по личному приказанiю государя, оберцеремонiй-мейстеромъ двора въ числѣ прочихъ представлявшихся иностранцевъ.

„Императоръ принялъ насъ всѣхъ съ крайнею вѣжливостью. Съ перваго взгляда въ немъ можно было узнать человѣка, обязаннаго и привыкшаго щадить самолюбіе другихъ. Всякій сразу почувствовалъ себя поставленнымъ на свое мѣсто во мнѣніи царя, а слѣдовательно и во мнѣніи всѣхъ.

Чтобы дать понятіе мнѣ, что онъ безъ неудовольствiя смотритъ на мое намѣреніе объѣхать его имперію, онъ милостиво сказалъ мнѣ, что нужно проѣхать, по крайней мѣрѣ, до Москвы и Нижняго, чтобы составить себѣ истинное понятіе о странѣ; „Петербургъ—русскій“, прибавилъ онъ, „но это не Россiя“.

Эти нѣсколько словъ были произнесены голосомъ, который никогда нельзя позабыть, такъ много въ немъ было повелительности, такъ онъ былъ важенъ и твердъ. Всѣ говорили мнѣ о внушительномъ видѣ, о благородствѣ чертъ и фигуры императора, но никто не предупреждалъ меня о мощи его голоса; голосъ этотъ принадлежитъ человѣку, рожденному повелѣвать. Въ немъ неслышно ни усилій, ни заученности; это даръ, развитый привычкою пользоваться имъ.

Императрица обладаетъ крайне плѣняющею наружностью, и звукъ ея голоса настолько-же мягокъ и проникаетъ вамъ въ душу, насколько голосъ императора повелителенъ отъ природы.

Она спросила меня, явился-ли я въ Петербургъ въ качествѣ простаго туриста. Я отвѣчалъ ей, что да. „Я знаю, что вы любопытны“, возразила она.

„Да, государыня“, возразилъ я, „любопытство привело меня въ Россію, но на этотъ разъ я не раскаиваюсь, что поддался своей страсти объѣзжать свѣтъ“.

— „Вы думаете?“ проговорила она съ очаровательной граціей.

„Мнѣ кажется, что въ этой странѣ такъ много удивительнаго, что, чтобы повѣрить этому, нужно видѣть все собственными глазами“.

— „Я желала бы, чтобы вы очень многое увидѣли здѣсь, и притомъ хорошо“.

„Желаніе вашего величества служить мнѣ поощреніемъ“.

— „Если вы составите себѣ хорошее мнѣніе, вы его выскажете, но это будетъ бесполезно, такъ какъ вамъ не повѣрять: насъ плохо знаютъ и не хотятъ знать лучше“.

Эти слова поразили меня въ устахъ императрицы въ виду безпокойства, обнаруженнаго ими. Въ то же время мнѣ казалось, что они служатъ знакомъ нѣкотораго благоволенія ко мнѣ, выраженнаго съ рѣдкими вѣжливостью и простотою.

Императрица съ перваго-же взгляда внушаетъ къ себѣ столько-же довѣрія, какъ и уваженія; сквозь принужденную сдержанность языка и придворныхъ привычекъ видишь, что у нея есть сердце. Это несчастіе придаетъ ей безотчетную очаровательность: она болѣе, чѣмъ императрица—она женщина.

Она показалась мнѣ до крайности утомленной, ея худоба ужасна. Всѣ говорятъ, что тревоженія жизни, которую ведетъ она, погубятъ ее, но что скука жизни болѣе спокойной, тоска, убили-бы ее.

Праздникъ, послѣдовавшій за нашимъ представленіемъ, былъ однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ зрѣлищъ, когда-либо мной видѣнныхъ“.

Кюстинъ смѣется „надъ скучнымъ, медленнымъ и чопорнымъ полонезомъ, которымъ открылся балъ“, и вспоминаетъ другой полонезъ въ Вѣнѣ въ 1814 г., во время конгресса. „Никакой этикетъ не соблюдался тогда на этихъ европейскихъ празднествахъ; каждый помѣщался гдѣ ему угодно, среди монарховъ всей земли. Судьба поставила меня между императоромъ Россіи, Александромъ, и его супругой, урожденной принцессой Баденской. Я танцевалъ, но чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ отъ невольнаго сосѣдства столь высокихъ особъ. Вдругъ цѣпь танцующихъ остановилась неизвѣстно почему, хотя музыка продолжала играть. . . .“

Говоря о крайне послѣпшой постройкѣ Зимняго дворца въ одинъ годъ, путешественникъ пишетъ: „Послы цѣлой Европы были приглашены туда восхищаться волшебнымъ могуществомъ этого правительства, тѣмъ съ большею горечью осуждаемаго людьми обыденными, что ему особенно завидуютъ и удивляются политики, люди чисто практическіе, которыхъ прежде всего должна поражать при единодержавіи простота государственнаго механизма“.

Сравнивая Парижъ съ Петербургомъ, онъ говоритъ: „все-таки въ Парижѣ ведутъ самую пріятную жизнь. Тамъ всѣмъ пользуются для веселья, браня все, въ Петербургѣ-же скучаютъ, хваля все.“

Среди тысячъ лицъ, болѣе или менѣе блиставшихъ золотомъ и брилліантами, находился киргизскій ханъ, видѣнный мною утромъ; онъ явился съ своимъ сыномъ, котораго привезъ для опредѣленія въ Пажескій корпусъ, и съ цѣлою свитою; замѣтилъ я также старую грузинскую царицу, лѣтъ тридцать тому назадъ лишенную престола. Эта несчастная женщина томится (?) теперь при дворѣ своихъ побѣдителей. Ея костюмъ и прическа возбуждали общій смѣхъ.

Національное платье русскихъ придворныхъ дамъ—стариннаго фасона; оно придаетъ всей фигурѣ величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ восточный характеръ.

Вообще, какъ я уже говорилъ вамъ, женская красота рѣдкость въ Петербургѣ; но въ большомъ свѣтѣ грація и очаровательность очень часто замѣняютъ собою правильность чертъ и тонкость очертаній. Есть, впрочемъ, нѣсколько грузинокъ, соединяющихъ оба преимущества. Эти свѣтила блистаютъ среди дамъ сѣвера, подобно звѣздамъ на совершенно темномъ небѣ южныхъ странъ.

Довольно странный случай показалъ мнѣ степень изысканной вѣжливости императора.

Во время бала церемоніймейстеръ указалъ иностранцамъ, впервые появившимся при дворѣ, мѣста, назначенныя для нихъ за столомъ во время ужина. „Когда балъ пріостановится, сказалъ онъ каждому изъ насъ, вы послѣдуете за толпою до самой галлерей; тамъ увидите огромный сервированный столъ; направьтесь къ правой сторонѣ его и сядьте на первыхъ свободныхъ мѣстахъ“.

Былъ накрытъ только одинъ большой столъ на тысячу кувертовъ для дипломатическаго корпуса, иностранцевъ и всѣхъ придворныхъ, но при входѣ въ залу, направо и нѣсколько впереди, стоялъ небольшой и круглый столъ на восемь персонъ.

Одинъ женевецъ, молодой человѣкъ, образованный и умный, представлялся императору въ тотъ-же вечеръ вмѣстѣ со мною въ мундирѣ національной гвардіи, не пользующемся расположеніемъ императора; тѣмъ не менѣе, молодой швейцарецъ чувствовалъ себя совершенно хорошо; природное-ли самодовольство, республиканская-ли развязность или, наконецъ, сердечная простота, но онъ, кажется, вовсе не думалъ ни объ окружавшихъ его, ни о производимомъ имъ на всѣхъ впечатлѣніи. Нашъ способъ держаться, далеко не одинаковый, имѣлъ одинъ и тотъ-же успѣхъ: императоръ обходился съ обоими нами совершенно ровно.

Одинъ опытный и умный человѣкъ совѣтовалъ мнѣ полусерьезно-полушутливо, если хочу понравиться государю, принять робкій и почтительный видъ, но совѣтъ его былъ-бы бесполезенъ, и вотъ вамъ примѣръ природнаго достоинства этого монарха.

Я уже говорилъ, что женевецъ, далеко не раздѣляя моей скромности, внушенной старинными понятіями о вѣжливости, вовсе и не беспокоился этимъ. Онъ молодъ и сынъ своего времени — вотъ и все; поэтому я съ нѣкоторою завистью смотрѣлъ на его непринужденность всякій разъ, какъ съ нимъ заговаривалъ императоръ.

Любезность императора была скоро подвергнута молодымъ швейцарцемъ болѣе рѣшительному испытанію. При входѣ въ залъ для ужина, направляясь согласно полученной инструкціи вправо, онъ обратилъ вниманіе на небольшой круглый столъ и безстрашно усѣлся за нимъ одинъ, такъ какъ столъ этотъ былъ совершенно свободенъ. Нѣсколько минутъ спустя, когда всѣ разсѣлись, вошелъ императоръ, въ сопровожденіи самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, и сѣлъ за тотъ-же круглый столъ, противъ счастливаго. Я долженъ прибавить, что императрицы за этимъ столомъ не было. Молодой путешественникъ оставался на своемъ мѣстѣ съ тѣмъ-же непоколебимымъ спокойствіемъ, которымъ я такъ восхищался въ немъ.

Одного мѣста однако не хватало, потому что императоръ вовсе не рассчитывалъ на этого неожиданнаго девятаго гостя, но съ вѣжливостью изысканность которой граничить съ мягкостью добраго сердца, шепотомъ приказалъ лакею принести лишній стулъ и приборъ, что было исполнено тихо, безъ замѣшательства ¹⁾. Между тѣмъ счастливый молодой человѣкъ хотя и замѣтилъ, что онъ усѣлся тамъ помимо желанія императора, съ невозмутимостью поддерживалъ во время ужина разговоръ со своими двумя ближайшими сосѣдями. Я думалъ, что есть-же у него тактъ, что онъ не захочетъ возбуждать общаго вниманія и, безъ сомнѣнія, выжидаетъ лишь момента, когда императоръ встанетъ чтобы подойти къ нему и объяснить недоразумѣніе. Но не тутъ-то было!...

По окончаніи ужина, мой простакъ, далекій отъ мысли извиняться, нашелъ, казалось, вполне естественною оказанную ему честь. Вернувшись вечеромъ домой, онъ, вѣроятно, попросту отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „ужинъ съ императоромъ“. Тѣмъ не менѣе его величество сократилъ ему это удовольствіе и, поднявшись изъ-за стола ранѣе сидѣвшихъ за большимъ, началъ обходить насъ, требуя, чтобы

¹⁾ По другимъ разсказамъ, Николай Павловичъ, крайне пораженный этой наивной дерзостью, сказалъ улыбаясь: „насъ должно было быть восемь за нашимъ столомъ, но что-же, насъ будетъ девять, потому что случай посылаетъ намъ однимъ гостемъ болѣе“. Во время ужина государь нѣсколько разъ благосклонно заговаривалъ съ нимъ.

всѣ оставались сидѣть; великій князь цесаревичъ сопровождалъ своего отца; я видѣлъ какъ онъ остановился за стуломъ одного англійскаго вельможи, маркиза ***, и шутилъ съ молодымъ лордомъ, его сыномъ. Иностранцы, какъ и всѣ прочіе, продолжали сидѣть передъ императоромъ и наслѣдникомъ и отвѣчали имъ, повернувшись спиною и не переставая кушать.

Этотъ образчикъ англійской вѣжливости доказываетъ вамъ, что императоръ Россіи болѣе простъ въ обращеніи, чѣмъ многія частныя лица“.

Отъ жары въ залѣ Кюстинъ ушелъ въ амбразуру открытаго окна: „тамъ, совершенно забывъ все окружающее, я былъ пораженъ вдругъ однимъ изъ тѣхъ свѣтовыхъ явленій, которыми наслаждаешься только на сѣверѣ и только въ волшебныя свѣтлыя полярныя ночи. Я совершенно погрузился въ глубокое созерцаніе, когда вдругъ былъ выведенъ изъ него звукомъ женскаго голоса, нѣжнаго и проникающаго въ душу. „Что вы дѣлаете здѣсь?“... „Государыня, я восхищаюсь, сегодня я только и занимаюсь этимъ“.

Это была императрица. Она очутилась одна со мною въ амбразурѣ окна, въ формѣ павильона, открытаго на Неву. „Я же задыхаюсь“, продолжала ея величество: „это менѣе поэтично. Вы правы, любясь этой картиной: она великолѣпна“. Она стала смотрѣть вмѣстѣ со мною.

— „Я увѣрена, прибавила она; что только вы и я и наблюдаемъ это“.

„Все, что я вижу здѣсь, ново для меня, государыня, и я никогда не примирюсь съ мыслью, что не пріѣхалъ въ Россію въ молодости“.

— „Всегда можно быть молодымъ сердцемъ и воображеніемъ“.

Я не посмѣлъ возражать, потому что у императрицы, какъ и у меня, оставалась только одна эта молодость, и мнѣ не хотѣлось дать ей почувствовать это; она не дала-бъ мнѣ времени, а у меня не хватило-бы смѣлости сказать ей сколько у нея вознагражденій, чтобы утѣшиться въ быстромъ теченіи времени. Удаляясь, она сказала мнѣ съ исключительно присущей ей граціей: „я вспомню, что страдала и восхищалась вмѣстѣ съ вами“. Потомъ прибавила: „я не уйду совсѣмъ, мы еще увидимся въ этотъ вечеръ“.

Изъ другаго окна Кюстинъ видѣлъ безмолвно стоявшія массы народа, какъ-бы пораженные блескомъ дворца своего властелина. Это громадное стеченіе народа вызываетъ у него слѣдующее замѣчаніе: „коверъ изъ головъ на дворѣ дворца былъ лучшимъ украшеніемъ дворца императора въ первую свадебную ночь его дочери“.

„Я вернулся къ себѣ, пораженный величіемъ и великолѣпіемъ императора, и еще болѣе удивленный безкорыстнымъ восхищеніемъ народа благами, которыхъ онъ не имѣетъ, никогда имѣть не будетъ

и о которыхъ даже не смѣть сожалѣть. Еслибы я не видѣлъ ежедневно сколько честолюбивыхъ эгоистовъ поражаетъ свобода, мнѣ трудно было бы повѣрить, что самодержавіе можетъ создать столько безкорыстныхъ философовъ“.

Письмо двѣнадцатое.

Петербургъ, 19 іюля 1839 г.

„Надо быть русскимъ и даже самимъ императоромъ, чтобы противостоять усталости петербургской жизни въ настоящее время: вечеромъ—празднества, какихъ никогда и не увидишь въ Россіи; утромъ—поздравленія при дворѣ, приемы, парады на сушѣ и морѣ, спускъ 120 пушечнаго корабля на Неву въ присутствіи двора и сего города, — вотъ что поглощаетъ мои силы и занимаетъ мое любопытство.

Я видѣлъ вѣнскій конгрессъ, но не припомню собранія, которое можно было-бы сравнить по богатству драгоценностей, костюмовъ, разнообразію и роскоши мундировъ, величію и гармоніи общаго впечатлѣнія, съ праздникомъ, даннымъ императоромъ въ вечеръ свадьбы его дочери въ Зимнемъ дворцѣ, сгорѣвшемъ годъ тому назадъ и теперь возставшемъ изъ пепла по манію одного человѣка.

Петръ Великій не умеръ; его нравственная сила живетъ и постоянно дѣйствуетъ. Николай—единственный (?) русскій императоръ, котораго имѣетъ Россія со дня смерти основателя ея столицы.

Вечеромъ, къ концу бала, я, по своему обыкновенію, держался въ сторонѣ и любовался у окна сѣверной природой. Здѣсь нашли меня посланные императрицей офицеры. Передъ цѣлымъ дворомъ она милостиво сказала мнѣ:

— „Я уже давно спрашиваю васъ, маркизъ; почему вы бѣгаете отъ меня?“

„Я два раза становился по пути вашего величества, но вы не изволили замѣтить меня“.

— „Это ужъ ваша вина, потому что я ищу васъ съ тѣхъ поръ, какъ вернулась въ большую залу. Мнѣ хочется, чтобы вы осмотрѣли здѣсь все въ подробностяхъ и вынесли о Россіи мнѣніе, могущее исправить сужденія людей не умныхъ и злыхъ“.

„Я не приписываю себѣ, государыня, этой власти, но еслибы отъ моихъ впечатлѣній зависѣли убѣжденія другихъ, скоро вся Франція смотрѣла-бы на Россію, какъ на страну волшебствъ“.

— „Не надо придерживаться внѣшности; вы должны судить о

сущности вещей, и у васъ есть всѣ данныя для этого. Прощайте, я не говорю до свиданія; жара сильно утомляетъ меня; не забудьте велѣть показать себѣ мои новые анпартаменты; они передѣланы по мысли императора. Я прикажу все показать вамъ“.

Уходя, она оставила меня предметомъ всеобщаго любопытства и наружнаго расположенія присутствующихъ.

Эта придворная жизнь до того нова для меня, что даже забавляетъ меня: это точно путешествіе въ давно прошедшія времена, и иногда я думаю: ужъ не въ Версали-ли я, сто лѣтъ тому назадъ? Изысканная вѣжливость вполне естественна здѣсь; вы видите насколько далеку Петербургъ отъ нашей современной Франціи“.

На другой день былъ балъ у великой княгини Елены Павловны.

„Передъ ужиномъ императрица, сидѣвшая подѣ навѣсомъ изъ экзотическихъ растений, сдѣлала мнѣ знакъ приблизиться къ ней; едва я повиновался ему, какъ императоръ подошелъ къ волшебному бассейну, фонтанъ котораго освѣщалъ насъ и освѣжалъ воздухъ своими блестящими благоухающими брызгами. Онъ взялъ меня за руку, отвелъ на нѣсколько шаговъ отъ кресла императрицы и тамъ болѣе четверти часа соизволилъ разговаривать со мной о вещахъ интересныхъ, такъ какъ этотъ монархъ не разговариваетъ, подобно другимъ, лишь для виду.“

Сначала онъ сказалъ нѣсколько словъ о прекрасномъ устройствѣ праздника. Я отвѣчалъ, что „при столь дѣятельной жизни, какъ его, я удивляюсь, что онъ можетъ находить время для всего, даже для участія въ удовольствіяхъ толпы“.

— „Къ счастью, возразилъ онъ,—административная машина въ моей странѣ крайне проста, иначе при разстояніяхъ, и безъ того служащихъ препятствіемъ всему, да будь еще сложная система, было-бы недостаточно головы одного человѣка“.

Я былъ удивленъ и польщенъ этимъ откровеннымъ тономъ; императоръ, лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимающій то, чего не договариваютъ ему, продолжалъ, какъ-бы отвѣчая на мою мысль:

— „Я говорю вамъ подобнымъ образомъ, потому что увѣренъ, что вы въ состояніи понять меня: мы продолжаемъ дѣло Петра Великаго“.

„Онъ не умеръ, государь, его геній и воля управляютъ еще Россіей“.

Когда императоръ разговариваетъ съ кѣмъ-либо въ обществѣ, большой кругъ придворныхъ опоясываетъ его на почтительномъ разстояніи. Оттуда никто не можетъ слышать словъ государя, на котораго, однако, устремлены всѣ взоры.

Не монархъ стѣсняетъ васъ, когда дѣлаетъ вамъ честь разговаривать съ вами, но его дворъ.

Императоръ продолжалъ: „очень трудно заставить выполнять эту волю; общая покорность даетъ вамъ поводъ заключать объ однообразіи, но разувѣрьтесь: нѣтъ страны, гдѣ было-бы такое разнообразіе народностей, нравовъ, религій и ума, какъ въ Россіи. Разнообразіе здѣсь въ сущности: однообразіе чисто лишь поверхностное и единство только кажущееся. Вотъ видите тамъ человѣкъ двадцать офицеровъ: только первые два изъ нихъ русскіе, три слѣдующіе—примирившіеся съ нами поляки, прочіе—частью нѣмцы, а есть даже киргизскіе ханы, привозящіе своихъ сыновей воспитываться среди моихъ кадетъ — вотъ вамъ одинъ“,—сказалъ онъ, указывая пальцемъ на маленькую китайскую обезьяну въ странномъ бархатномъ одѣяніи, покрытомъ золотомъ. Это дитя Азіи было укутано высокимъ прямымъ, остроконечнымъ головнымъ уборомъ съ большими округленными и загнутыми краями,—похожимъ на шутовской колпакъ.

— „Двѣсти тысячъ дѣтей воспитываются на мой счетъ вмѣстѣ съ этимъ мальчикомъ“.

„Въ Россіи, государь, все дѣлается въ огромныхъ размѣрахъ; здѣсь все колоссально“.

— „Слишкомъ колоссально для одного человѣка“.

„Кто стоялъ ближе всѣхъ къ своему народу“.

— „Вы намекаете на Петра Великаго?“

„Нѣтъ, государь!“

— „Я надѣюсь, вы не ограничитесь однимъ Петербургомъ; каковъ планъ вашего путешествія по моей странѣ?“

„Я рассчитываю, государь, отправиться тотчасъ-же послѣ петергофскихъ праздниковъ“.

— „Куда-же?“

„Въ Москву и Нижній“.

— „Это хорошо, но вы собираетесь туда слишкомъ рано: вы оставите Москву раньше моего пріѣзда, а я былъ-бы очень радъ видѣть васъ тамъ“.

„Слова вашего величества заставляютъ меня измѣнить свой планъ“.

— „Тѣмъ лучше. Мы покажемъ вамъ новыя работы, производимыя въ Кремлѣ. Мнѣ хочется приблизить архитектуру этихъ старинныхъ зданій къ современному типу; къ тому-же слишкомъ дворецъ сдѣлался и неудобенъ для меня. Вы будете присутствовать также при любопытной церемоніи въ Бородинѣ: я долженъ положить тамъ первый камень въ основаніе памятника, воздвигаемаго, по моему повелѣнію, въ память Бородинской битвы“.

Я хранилъ молчаніе, и, безъ сомнѣнія, выраженіе моего лица

стало серьезно. Императоръ пристально посмотрѣлъ на меня и затѣмъ продолжалъ тономъ доброты, съ отбѣнкомъ деликатности и даже чувства, тронувшими меня:

— „По крайней мѣрѣ, хоть видъ маневровъ заинтересуетъ васъ“.

„Меня все интересуетъ въ Россіи, государь“.

На этомъ-же балу у великой княгини Елены Павловны произошелъ слѣдующій случай. Императоръ разговаривалъ съ австрійскимъ посломъ. Недавно назначенный молодой камергеръ получилъ отъ великой княгини Маріи Николаевны приказаніе пригласить посла отъ ея лица танцовать съ нею; въ своемъ усердіи, несчастный новичекъ, прорвавъ кругъ, о которомъ я говорилъ выше, безстрашно подошелъ къ императору и при его величествѣ сказалъ австрійскому послу:

— „Графъ, герцогиня Лейхтенбергская проситъ васъ танцовать съ нею первый полонезъ“.

Императоръ, недовольный поступкомъ новаго камергера, сказалъ ему очень громко: „вы только назначены на вашу должность, такъ научитесь-же выполнять ее. Прежде всего, моя дочь не герцогиня Лейхтенбергская, а великая княгиня Марія Николаевна, а во вторыхъ, вы должны знать, что меня не прерываютъ, когда я разговариваю съ кѣмъ-либо“.

Императоръ не ограничился этимъ и сдѣлалъ выговоръ и обер-камергеру.

Сегодня я обѣдалъ у одного русскаго офицера, молодаго графа ***, показывавшаго мнѣ утромъ минералогическій кабинетъ, лучший, какъ мнѣ кажется, въ Европѣ, потому что богатства Урала ни съ чѣмъ несравнимы... Вы, быть можетъ, подумаете, что я преувеличиваю, сказавши, что въ Петербургѣ знакомишься съ Россіей не лучше, чѣмъ во Франціи. Здѣсь, безъ протекціи, вы ни о чемъ не получите понятія, а между тѣмъ, покровительство часто стѣсняетъ васъ или-же даетъ о дѣлѣ ложное представленіе“¹⁾.

Перевелъ К. Плавинскій.

Сообщ. Н. К. Шальдеръ.

¹⁾ Чего, впрочемъ, и желаютъ здѣсь.

РОССІЯ и РУССКІЙ ДВОРЪ въ 1839 г. ¹⁾.

Записки французскаго путешеств. Кюстина.

Письмо тринадцатое.

Петербургъ, 21 іюля 1839 г.

Нѣкоторыя, но очень не многія изъ придворныхъ дамъ пользуются заслуженною репутаціею красавицъ, прочія же присвоили ее себѣ при помощи кокетства, изысканности, во всемъ подражая англійскому, такъ какъ русскія великосвѣтскаго круга проводятъ свою жизнь въ исканіи образцовъ моды вдали отъ родины; иногда онѣ ошибаются въ выборѣ своихъ моделей, и это порождаетъ крайне своеобразное изящество — изящество безвкусное. Русский, предоставленный самому себѣ, все время терзался-бы страхомъ, порождаемымъ неудовлетвореннымъ тщеславіемъ; онъ считалъ-бы себя варваромъ: а ничто не вредитъ такъ естественности, а слѣдовательно и развитію народа, какъ эта постоянная озабоченность соціальнымъ превосходствомъ другихъ націй. Чувствовать себя униженнымъ, краснѣть за самого себя, благодаря лишь собственному своему тщеславію,—одна изъ странностей человѣческаго самолюбія...

Вообще въ различныхъ классахъ общества красота болѣе присуща мужчинамъ, чѣмъ женщинамъ, хотя это и не мѣшаетъ встрѣчать среди первыхъ мною ординарныхъ и лишенныхъ всякаго выраженія фізіономій.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. LI, іюль, стр. 21—22; изд. 1891 г. т. LXIX, январь, стр. 145—184.

Я замѣтилъ, что лица многихъ носятъ слѣды оспы—явленіе, рѣдкое теперь въ остальной части Европы и свидѣтельствующее о небрежности русской администраціи относительно такого важнаго предмета.

Въ Петербургѣ различныя расы до того перемѣшаны, что нельзя составить себѣ представленія о настоящемъ населеніи Россіи: нѣмцы, шведы, лифляндцы, чухны, родъ лапландцевъ, явившихся съ крайняго полюса, калмыки и другія татарскія породы слились со славянами, первобытная красота которыхъ мало-по-малу исказилась среди обитателей столицы, что часто заставляло меня вспоминать справедливыя слова императора: „Петербургъ—русскій, но не Россія“.

Кюстину было предложено кресло въ первомъ ряду на торжественномъ спектаклѣ. „Въ зрительномъ залѣ нѣтъ ни галлерей, ни балкона, которые могли-бы стѣснять замыслы архитектора при постройкѣ; онъ выстроенъ по простымъ и правильнымъ рисункамъ, на образецъ итальянскихъ театровъ, гдѣ дамы не великосвѣтскаго круга ходятъ въ партеръ.

Мой сосѣдъ, замѣтивъ, что я иностранецъ, заговорилъ со мною по французски съ тою радушною вѣжливостью, которая отличаетъ въ Петербургѣ высшее общество. Между прочимъ, на мой вопросъ, какая идетъ пьеса, онъ сказалъ, что даютъ въ переводѣ французскую пьесу „Le Diable boiteux“. Я долго ломалъ себѣ голову, чтобы угадать, какая драма могла быть переведена подъ этимъ заглавіемъ. Судите-же о моемъ удивленіи, когда я узналъ, что переводъ этотъ не что иное, какъ слѣпокъ съ нашего балета: Le Diable boiteux“.

Путешественникъ не слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за ходомъ представленія. Его, главнымъ образомъ, интересовали зрители и дворъ.

„Появленіе императора показалось мнѣ величественнымъ. Когда онъ рядомъ съ императрицей, и сопровождаемый царскою фамиліей и дворомъ, приблизился къ барьеру своей ложи, всѣ присутствующіе встали. Императоръ въ мундирѣ ярко-краснаго цвѣта выглядалъ необыкновенно красивымъ. Форма козаковъ идетъ только молодымъ людямъ, эта же, наоборотъ, всего лучше соотвѣтствуетъ возрасту его величества: она еще болѣе отбѣняетъ благородство его чертъ и фигуры. Прежде чѣмъ сѣсть, императоръ съ присущимъ ему достоинствомъ, полнымъ вѣжливости, поклонился всему собранію. Одновременно съ нимъ поклонилась и императрица, но мнѣ показалось недостаткомъ уваженія къ публикѣ, что вмѣстѣ съ ними поклонилась и свита. Вся зала отвѣчала монархамъ покло-

номъ на поклонъ и, кромѣ того, покрыла ихъ аплодисментами и кликами: ура!

Съ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ и которое приходилось между спе-ною и царскою ложею, императоръ показался мнѣ достойнымъ пове-лѣвать людьми, до того наружность его полна благородства и ве-личественности. Я невольно вспомнилъ о его поведеніи при самомъ вступленіи его на престолъ, и эта великолѣпная страница исторіи отвлекла меня отъ представленія, на которомъ я присутствовалъ.

То, что вы прочтете сейчасъ, было мнѣ сказано самимъ импе-раторомъ нѣсколько дней тому назадъ; если я не передалъ вамъ этого разговора раньше, то лишь потому только, что думалъ, что письма, заключающія въ себѣ подобныя подробности, не могутъ быть довѣрены ни русской почтѣ, ни даже кому-либо изъ путеше-ственниковъ.

Въ тотъ день, когда Николай вступилъ на престолъ, вспыхнулъ бунтъ въ гвардіи. При первомъ-же извѣстіи о возмущеніи въ вой-скахъ, императоръ и императрица вдвоемъ отправились въ церковь, и тамъ, павъ на колѣни у ступеней алтаря, поклялись передъ Господомъ умереть на престолѣ, если имъ не удастся восторже-ствовать надъ мятежниками.

Императоръ считалъ опасность серьезною, потому что ему донесли, что митрополитъ тщетно пытался успокоить солдатъ. Въ Россіи тотъ безпорядокъ признается громаднымъ, который не въ силахъ подавить духовная власть.

Сотворивши знакъ крестнаго знаменія, императоръ отправился покорять мятежниковъ своимъ личнымъ присутствіемъ и спокойною энергіею своего лица. Онъ самъ разсказалъ мнѣ эту сцену, но въ выраженіяхъ, болѣе скромныхъ, чѣмъ употребленныя мною; къ со-жалѣнію, я забылъ начало этого разсказа, потому что первоначально былъ нѣсколько смущенъ неожиданнымъ оборотомъ, который принялъ нашъ разговоръ; я точно воспроизведу его съ того момента, который помню совершенно ясно.

„Ваше величество черпали свою силу изъ надлежащаго источника“.

— „Я не зналъ, что буду говорить и дѣлать, я былъ вдохновенъ“.

„Чтобы имѣть подобныя вдохновенія, нужно заслужить ихъ“.

— „Я не сдѣлалъ ничего необыкновеннаго; я лишь сказалъ сол-датамъ: „вернитесь въ ваши ряды“, и передъ тѣмъ, какъ объѣхать полкъ, крикнулъ: „на колѣни!“ Всѣ повиновались ¹⁾. Меня особенно

¹⁾ Здѣсь Кюстинъ, очевидно, или спуталъ происходившее значительно позже, въ дни холеры, или передалъ слѣдующій фактъ, дѣйствительно слу-чившійся 14-го декабря 1825 года. Когда Николай Павловичъ находился на

ободрило то обстоятельство, что, нѣсколькомгновеній передъ этимъ, я вполне примирился съ мыслью о смерти. Я радъ успѣху, но не горжусь имъ, потому что не мнѣ принадлежитъ честь его“.

Вотъ каковы благородныя выраженія, въ которыхъ императоръ разсказалъ мнѣ эту современную трагедію.

По этому вы можете судить о степени интереса его разговоровъ съ иностранцами, которыхъ онъ почититъ своимъ расположеніемъ. Этотъ разсказъ такъ далекъ отъ придворной пошлости! Вы поймете также и силу обаянія, производимаго имъ на народъ и на свое семейство. Это Людовикъ XIV славянъ.

Очевидцы-свидѣтели передавали мнѣ, что онъ какъ будто выросталъ съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ его къ толпѣ бунтовщиковъ. Изъ молчаливаго, грустнаго и мелочнаго, какимъ казался онъ въ дни юности, онъ преобразился въ героя, какъ только сталъ государемъ. Явленіе—обратное часто встрѣчающемуся, когда принцы больше общаются, чѣмъ исполняютъ.

Его поза въ виду возмущившейся гвардіи, по разсказамъ, до того была внушительна, что одинъ изъ заговорщиковъ четыре раза приближался къ нему, чтобъ убить его въ то время, какъ онъ обращался къ войскамъ съ рѣчью, и четыре раза храбрость покидала этого несчастнаго, подобно тому, какъ это было съ кимромъ Маріа. Люди свѣдущіе приписывали этотъ мятежъ тайнымъ обществамъ, раздирающимъ Россію со времени похода союзниковъ во Францію и частыхъ поѣздокъ русскихъ офицеровъ въ Германію.

Я передаю, что слышалъ: факты эти темные, и у меня нѣтъ возможности провѣрить ихъ.

Средствомъ, которымъ воспользовались заговорщики для возмущенія арміи, послужила смѣшная ложь: распространили слухъ, что Николай насильно захватилъ корону у брата своего Константина, какъ разсказывали, уже направлявшагося къ Петербургу для защиты своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ. Вотъ средство, которымъ можно было заставить возмущившихся кричать подъ окнами дворца: „ура! конституція!“ Вожаки убѣдили ихъ, что слово „конституція“—имя жены Константина, ихъ мнимой императрицы. Вы видите, что въ

сенатской площади, при одномъ изъ залповъ, сдѣланныхъ мятежниками, его лошадь шарахнулась въ сторону, и тутъ онъ замѣтилъ, что толпа, которую онъ сперва не могъ уговорить накрыться, стала надѣвать шапки и смотрѣть съ какою-то наглостью. „Шапки долой“, закричалъ государь съ невольною строгостью, и въ одно мгновеніе всѣ головы обнажились, и толпа отхлынула отъ него.

Н. III.

глубинѣ солдатскихъ сердецъ жила идея долга, потому что только при помощи обмана можно было увлечь ихъ въ мятежу.

Исключительно лишь въ интересахъ легитимизма одураченные солдаты возмутились противъ своего законнаго государя.

Замѣтите, что въ теченіе всего времени, которое императоръ оставался передъ войсками, онъ ни разу не пустилъ своей лошади въ галопъ, до того онъ былъ спокоенъ, но въ то-же время и страшно блѣденъ. Онъ испытывалъ свою мощь, и успѣхъ обезпечилъ ему повиновеніе народа.

Къ подобному человѣку нельзя прикладывать мѣрки, годной для людей обыкновенныхъ. Его голосъ, спокойный и повелительный, его взглядъ, магнетическій, пристально всматривающійся въ предметъ привлекшій его вниманіе, но часто становящійся холоднымъ и неподвижнымъ, благодаря привычкѣ скорѣе подавлять, чѣмъ скрывать свои мысли, такъ какъ онъ откровененъ по природѣ, чудный лобъ, черты лица, напоминающія Аполлона и Юпитера, и самое лицо его, малоподвижное, внушительное, повелѣвающее, фигура, болѣе благородная, чѣмъ мягкая, напоминающая скорѣй изваяніе, чѣмъ живаго человѣка—производятъ на каждаго, кто-бы ни приблизился къ нему, могущественное дѣйствіе. Онъ становится властителемъ чужой воли, потому что видно, что онъ управляетъ своею собственною.

Вотъ что еще удержалъ я въ памяти изъ нашего разговора:

„По усмиреніи мятежа, ваше величество должны были вернуться во дворецъ далеко не въ томъ уже настроеніи духа, въ какомъ вышли оттуда, такъ какъ, вмѣстѣ съ престоломъ, вы обезпечили себѣ удивленіе міра и симпатіи всѣхъ возвышенныхъ сердецъ“.

— „Я не думалъ объ этомъ: слишкомъ уже расхваливали сдѣланное мною тогда“.

Императоръ не сказалъ мнѣ, что, вернувшись къ своей женѣ, онъ нашелъ ее пораженною трясеніемъ головы, нервною болѣзнью, отъ которой она никогда не могла вполне вылѣчиться. Эти конвульсіи вообще мало чувствительны; въ дни, когда императрица спокойна и здорова, онѣ пропадаютъ совсѣмъ, но, если она страдаетъ нравственно или физически, боль возвращается и усиливается. Навѣрно эта благородная женщина сильно боролась съ безпокойствомъ въ то самое время, когда мужъ ея такъ смѣло подставлялъ себя ударамъ убійцъ. Увидѣвъ, что онъ вернулся, она безъ словъ обняла его, но императоръ, успокоивши ее, въ свою очередь, почувствовалъ себя ослабѣвшимъ; на минуту ставши простымъ человѣкомъ, онъ бросился въ объятія

одного изъ преданныхъ ему лицъ, присутствовавшего при этой сценѣ, и воскликнулъ: „какое начало царствованія! ¹⁾).

Я напечатаю эти подробности; ихъ полезно узнать невѣждамъ, чтобы научить ихъ не завидовать участи сильныхъ міра сего.

Какъ-бы очевиднымъ ни казалось неравенство, установленное законодателями между различными условіями жизни людей, справедливость Провидѣнія находитъ свое оправданіе въ тайномъ равенствѣ, котораго ничто нарушить не можетъ: это равенство проистекаетъ изъ нравственныхъ страданій, возрастающихъ обыкновенно въ той-же мѣрѣ, какъ физическія уменьшаются. Въ этомъ мірѣ несравненно менѣе несправедливости, чѣмъ полагаетъ толпа: законы природы справедливыѣ законовъ человѣческихъ.

Эти разсужденія быстро мелькали въ головѣ у меня, пока я разговаривалъ съ императоромъ: они пробудили въ моемъ сердцѣ чувство, и онъ никогда не подумалъ-бы, какое чувство могъ онъ пробудить во мнѣ—чувство жалости. Я постарался, насколько возможно, скрыть это волненіе, котораго ни свойствъ, ни причинъ я не осмѣлился-бы объяснить ему, и на его слова о преувеличеніи похвалъ, которыя заслужило ему его поведеніе во время мятежа, возразилъ слѣдующее:

„Но во всемъ этомъ вѣрно только то, государь, что одной изъ главныхъ причинъ моего любопытства, передъ пріѣздомъ въ Россію, было именно желаніе увидѣть монарха, который пользуется такимъ вліяніемъ на людей“.

— „Русскіе прекрасны, но нужно сдѣлаться достойнымъ управлять подобнымъ народомъ“.

„Ваше величество лучше, чѣмъ кто-либо изъ вашихъ предшественниковъ, поняли что нужно Россіи“.

¹⁾ Слова эти составляютъ часть разговора, происходившаго по-французски между Николаемъ Павловичемъ и только что пріѣхавшимъ въ Петербургъ генералъ-адъютантомъ Тодемъ, и не во дворцѣ, а на Сенатской площади

— „Voici ce qui se passe ici“, сказалъ государь, увидѣвъ его: „voilà un joli commencement de règne: un trône teint de sang!“

— „Sire, отвѣчалъ Толъ,—le seul moyen d'y mettre fin, c'est mitrailler cette canaille“.

(Вотъ что происходитъ здѣсь; какое начало царствованія: престолъ обогранный кровью!)

Единственное средство, государь, покончить со всѣмъ этимъ—осыпать картечью эту сволочь).

Бар. Корфъ. Восшествіе на престолъ императора Николая I.

— „Самодержавіе еще существуетъ въ Россіи, потому что это сущность моего правленія, но оно согласуется и съ духомъ народа“.

„Вы останавливаете, государь, Россію на пути подражаній и дѣлаете ее самостоятельною“.

— „Я люблю свою страну и, какъ мнѣ кажется, понялъ ее; увѣряю васъ, что, когда я сильно устаю отъ различныхъ современныхъ дразгъ, то забвенья отъ всей остальной Европы ищу удаляясь внутрь Россіи“.

„Чтобы почерпнуть силъ въ самомъ источникѣ ихъ?“

— „Именно. Никто не можетъ быть болѣе русскимъ по своей натурѣ, чѣмъ я. Я вамъ скажу то, чего не сказалъ-бы никому другому, но чувствую, что вы, именно вы, поймете меня“.

Дѣйствіе, произведенное имъ на меня, было громадно; я чувствовалъ себя уничтоженнымъ; благородство чувствъ, высказанныхъ императоромъ, откровенность его рѣчи, казалось мнѣ, необыкновенно отбѣняли его всемогущество; я былъ ослѣпленъ—признаюсь въ этомъ. Человѣкъ, который, не смотря на мои идеи о независимости, заставлялъ меня (забывать то), что онъ неограниченный повелитель шестидесяти милліоновъ людей, являлся, на мой взглядъ, чѣмъ-то сверхъестественнымъ; но я старался не довѣрять своему восхищенію; я походилъ на буржуа, уже чувствующихъ себя готовыми поддаться обаянію изящества манеръ людей стараго времени, хорошій вкусъ заставляетъ ихъ отдаваться испытываемому очарованію, но этому противятся ихъ принципы, и они остаются суровыми и, насколько возможно, кажутся нечувствительными. Борьба, пережитая мною, походила на это. Не въ моемъ характерѣ сомнѣваться въ истинности словъ человѣка въ тотъ моментъ, когда я слышу его. Говорящій—для меня орудіе Бога; только путемъ размышленій и опыта убѣждаюсь я въ возможности расчета и притворства. Вы назовете это вздоромъ, но мнѣ нравится эта умственная слабость, такъ какъ она является слѣдствіемъ душевной силы.

Красота императора даетъ ему еще новое средство убѣдительности, потому что красота эта настолько-же душевная, насколько и физическая. Дѣйствіе, производимое ею, я приписываю скорѣе искренности чувствъ, рисующихся обыкновенно на его лицѣ, чѣмъ правильности его чертъ.

Этотъ интересный разговоръ я имѣлъ съ императоромъ на балу

у принцессы Ольденбургской. Балъ этотъ былъ настолько своеобразенъ, что стоитъ, чтобы описать его вамъ.

Принцесса Ольденбургская, рожденная принцесса Нассауская, близкая родственница императора по своему мужу, не имѣя возможности соперничать роскошью съ большими придворными балами, но желая и съ своей стороны почтить торжествомъ бракъ великой княгини Маріи Николаевны, устроила балъ на открытомъ воздухѣ на своей загородной дачѣ, и меня забавляла комическая принужденность нѣкоторыхъ лицъ, волей-неволей старавшихся съ самымъ добродушнымъ видомъ усвоить себѣ на время деревенскую простоту; это былъ совершенно своеобразный вечеръ, гдѣ чувствовалась полная свобода, не смотря на присутствіе неограниченнаго монарха“

Кюстина поразило изобиліе экзотическихъ цвѣтовъ.

„Въ этой странѣ изобиліе рѣдкихъ цвѣтовъ замѣняетъ отсутствіе роскошной растительности. Люди, населяющіе ее и явившіеся сюда изъ Азіи, чтобы, какъ въ тюрьмѣ, запереться во льдахъ сѣвера, вспоминаютъ о восточной роскоши ихъ первоначальной родины и прилагаютъ всѣ усилія, чтобы замѣнить чѣмъ-либо безплодіе почвы, производящей лишь сосну и березу. Искусство создаетъ здѣсь въ оранжереяхъ безконечное множество кустовъ и растений, и, такъ какъ все это дѣло рукъ человѣческихъ, то нѣтъ большаго труда заставить распускаться одновременно и цвѣты Америки, и французскія фіалки и лиліи. Не природное плодородіе почвы украшаетъ и разнообразитъ дворцы Петербурга, а цивилизація даетъ ему возможность пользоваться богатствами цѣлаго міра, чтобы скрыть бѣдность земли и скудость сѣвернаго полюса. Не удивляйтесь-же хвастовству русскихъ: природа для нихъ не что иное, какъ лишній врагъ, побѣждаемый ихъ упорствомъ; всѣмъ ихъ развлеченіямъ присуща радость и гордость побѣды.

Императрица, не смотря на нѣжность своего здоровья, съ открытой головой и обнаженной шеей, танцевала всѣ полонезы на изящномъ паркетѣ роскошнаго полевого бала.

Она пользуется въ Россіи счастьемъ, рѣдкимъ вообще и исключительнымъ въ положеніи императрицы: она имѣетъ друга.

Это баронесса ***, урожденная графиня ***. Съ самаго замужества императрицы, эти двѣ женщины, столь различныхъ положеній, почти никогда не разставались. Баронесса, одаренная искреннимъ характеромъ, преданнымъ сердцемъ, вовсе не воспользовалась своимъ вліяніемъ. Мужъ ея—одинъ изъ офицеровъ арміи, которому императоръ въ высшей степени обязанъ, такъ какъ баронъ *** спасъ ему жизнь въ день матажа, при восшествіи его на престолъ. Ничто не

можетъ достаточно вознаградить подобнаго подвига храбрости, поэтому-то и не награждаютъ его“ ¹⁾).

Наблюденія надъ массою зрителей изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, стекшихся со всѣхъ сторонъ къ оградѣ парка вызываютъ Кюстина на размышленіе о томъ, что въ Россіи названія вещей такія-же, какъ и всюду, но сущность ихъ не та. „Однако, мои размышленія были непродолжительны, такъ какъ императоръ снова захотѣлъ овладѣть моими мыслями. Открылъ-ли онъ въ глубинѣ меня какое-нибудь предубѣжденіе противъ себя, которое, во всякомъ случаѣ, могло быть лишь результатомъ слышаннаго мною о немъ ранѣе моего представленія ему, такъ какъ впечатлѣніе, произведенное его личностью и рѣчами, было цѣликомъ въ его пользу, развлекать-ли его минутный разговоръ съ человѣкомъ, непохожимъ на тѣхъ, которые постоянно находятся у него подъ глазами, или-же баронесса *** благопріятно подѣйствовала на его мнѣніе обо мнѣ—но я не могу объяснить себѣ истинную причину такихъ милостей.

Императоръ не только привыкъ повелѣвать дѣйствіями другихъ, нѣ умѣетъ властвовать и надъ сердцами; быть можетъ, онъ хотѣлъ покорить и мое, а моя холодная робость служила лишь стимуломъ его самолюбію? Желаніе правиться присуще ему... Вынудить восхищеніе, это все-таки значить заставить повиноваться себѣ. Быть можетъ, онъ хотѣлъ испытать свою власть надъ иностранцемъ, или-же инстинктомъ человѣка, долгое время лишеннаго правды, полагалъ, что встрѣтилъ правдивый характеръ,—повторяю вамъ, я не знаю руководившихъ имъ дѣйствительныхъ побужденій, но знаю, что въ этотъ вечеръ, гдѣ бы я ни находился, онъ постоянно завязывалъ разговоръ со мною.

Увидѣвши, что я вернулся изъ-за ограды на балъ, онъ спросилъ меня:

¹⁾ Вотъ что пишетъ объ этомъ Гречъ въ своемъ опроверженіи Кюстина „Нѣтъ, баронъ *** не спасъ въ этотъ день жизни императору, онъ даже не находился въ свитѣ монарха, но былъ при своемъ полку, и здѣсь былъ пораненъ однимъ изъ заговорщиковъ. Баронъ *** высоко стоитъ въ мнѣніи императора, имѣетъ придворное званіе и исполняетъ обязанности оберъ-палатмейстера, съ тѣхъ поръ, какъ эта должность перестала принадлежать князю Долгорукому“.

Судя поэтому, баронъ *** не кто иной, какъ баронъ Петръ Андреевичъ Фредериксъ, командовавшій тогда лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ. Раненый княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ сабельнымъ ударомъ въ плечо, онъ упалъ на мостовую; при этомъ Щепинъ пытался пристрѣлить его изъ двухъ бывшихъ при немъ кремиевыхъ пистолетовъ, но выстрѣла не послѣдовало, потому что одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, „во избѣжаніе грѣха“, сбросилъ съ полки порохъ.

— „Что дѣлали вы сегодня утромъ?“

„Я осматривалъ, государь, кунсткамеру и пресловутаго сибирскаго мамонта“.

— „Это единственный образецъ въ мірѣ“.

„Да, ваше величество. Въ Россіи встрѣчаешь очень многое, чего не найдешь въ другомъ мѣстѣ“.

— „Вы льстите мнѣ“.

„Я слишкомъ уважаю васъ, государь, чтобы осмѣлиться льстить вамъ, но, быть можетъ, я не слишкомъ боюсь васъ и простодушно высказываю истину даже тогда, когда она походитъ на комплиментъ“.

— „Этотъ комплиментъ очень тонокъ; иностранцы балуютъ насъ“.

„Ваше величество пожелали, чтобы я держалъ себя съ вами совершенно свободно; это удалось вамъ, какъ и все, задумываемое вами: вы излѣчили меня, хоть на время, отъ моей природной робости“.

Принужденный избѣгать всякаго намека на политическія злобы дня, я желалъ навести разговоръ, по крайней мѣрѣ, на такой предметъ, который на столько-же интересовалъ-бы меня; поэтому я прибавилъ:

„Каждый разъ, какъ ваше величество позволяете мнѣ приблизиться къ вамъ, я удостоверяюсь во власти, заставившей враговъ пасть къ стопамъ вашимъ въ день вашего восшествія на престолъ“.

— „У васъ на родинѣ существуютъ предубѣжденія, надъ которыми труднѣе восторжествовать, чѣмъ надъ страстями возмущившейся арміи“.

„На васъ, государь, смотреть слишкомъ издалека; еслибы съ вашимъ величествомъ болѣе ознакомились, васъ лучше цѣнили-бы. И у насъ, какъ и здѣсь, вы встрѣтили-бы массу поклонниковъ. Начало царствованія уже обезпечило вамъ справедливыя похвалы, а въ дни холеры вы поднялись на ту-же высоту и даже выше, потому что при этомъ возмущеніи ваше величество выказали ту-же власть, но сдержанную благородною преданностью человечеству; силы никогда не покидали васъ посреди опасности“.

— „Минуты, которыя вы оживляете въ моей памяти, безъ сомнѣнія, были лучшими минутами моей жизни; но тѣмъ не менѣе, онѣ показались мнѣ самыми ужасными“.

„Я понимаю это, государь: чтобы покорить природу въ себѣ и въ другихъ, необходимо усиліе...“

— „Страшное усиліе, перебилъ меня императоръ, съ выраженіемъ, поразившимъ меня,—и отчетъ въ которомъ отдаешь себѣ послѣ“.

„Да, но вы были велики“.

— „Я не былъ великъ: я лишь выполнялъ свое ремесло; при подобныхъ обстоятельствахъ никто не можетъ знать что онъ скажетъ; идешь на встрѣчу опасности, не спрашивая какъ выйдешь изъ нея“.

„Самъ Богъ вдохновлялъ васъ, государь, и еслибы можно было сравнивать двѣ столь несходныя вещи, какъ поэзія и правленіе, я сказалъ-бы, что вы дѣйствовали какъ поэтъ, повинувся голосу свыше“.

— „Въ моемъ поступкѣ не было никакой поэзіи“.

Я замѣтилъ, что мое сравненіе показалось нелестнымъ, потому что слово „поэзія“ не было понято въ латинскомъ его значеніи: при дворѣ привыкли смотрѣть на поэзію, какъ на забаву для ума. Надо было-бы начать длинное разсужденіе для доказательства того, что это самый чистый и живой проблескъ души, и я предпочелъ промолчать; но императоръ не хотѣлъ, безъ сомнѣнія, удаляясь отъ меня, оставить во мнѣ сожалѣніе, что я могъ не понравиться ему, и долго еще продержалъ меня, къ величайшему удивленію всего двора. Онъ возобновилъ разговоръ съ очаровательною добротою.

— „Каковъ именно планъ вашего путешествія?“ сказалъ онъ.

„Послѣ петергофскихъ празднествъ, государь, я рассчитываю отправиться въ Москву, откуда поѣду посмотрѣть на Нижегородскую ярмарку, но такъ, чтобы вернуться въ Москву къ пріѣзду вашего величества“.

— „Тѣмъ лучше; я былъ-бы очень радъ, еслибы вамъ удалось осмотрѣть въ подробности мои кремлевскія сооруженія; помѣщеніе тамъ было слишкомъ мало для меня; я приказалъ построить болѣе подходящее. Я самъ объясню вамъ всѣ свои планы относительно украшенія этой части Москвы, которую мы считаемъ колыбелью имперіи. Но терять времени нечего, вамъ предстоитъ проѣхать громадныя пространства; разстоянія—вотъ язва Россіи“.

„Не пеняйте на это, государь, все это возможно заполнить; въ другихъ странахъ люди чувствуютъ недостатокъ въ землѣ, вы же никогда не ощутите его“,

— „У меня не хватаетъ времени“.

„За вами будущее“.

— „Меня слишкомъ мало знаютъ, если упрекаютъ въ честолюбіи. Я далекъ отъ мысли стараться расширить нашу территорію, но мнѣ хотѣлось-бы имѣть возможность сплотить вокругъ себя населеніе всей Россіи. Если я и хочу дѣлать завоеванія, то исключительно въ области нищеты и варварства: стараніе улучшить участь русскихъ несравненно выше, чѣмъ желаніе разрастаться. Если-бы вы

знали, какъ добръ русскій народъ!... Сколько въ немъ кротости, какъ онъ привѣтливъ и милъ отъ природы!... Вы увидите его въ Петергофѣ, но въ особенности я хотѣлъ-бы показать его вамъ здѣсь 1-го января". Затѣмъ, возвращаясь къ своей любимой темѣ: „но не легко“, продолжалъ онъ, „сдѣлаться достойнымъ управлять подобнымъ народомъ“.

„Ваше величество уже многое сдѣлали для Россіи“.

— „Иногда я боюсь, что не сдѣлалъ всего, что могъ-бы сдѣлать“.

Это христіанское слово, сказанное отъ глубины души, тронуло меня до слезъ; оно произвело на меня тѣмъ большее впечатлѣніе, что я самъ говорилъ себѣ: „императоръ умнѣ меня; еслибы онъ имѣлъ какую-либо выгоду сказать это, онъ понялъ-бы, что лучше не говорить. Слѣдовательно, попросту онъ выказалъ благородное, прекрасное чувство, — сомнѣніе добросовѣстнаго правителя. Этотъ крикъ человѣчности, раздавшійся изъ глубины его души, когда, напротивъ, все способствовало тому, чтобы возгордиться ею, вдругъ тронулъ меня. Мы были на глазахъ всѣхъ, и я всѣми силами старался скрыть свое волненіе; онъ, скорѣе отгадывающій мысли, чѣмъ слова, (и отъ этой могущественной проницательности болѣе всего зависить обаяніе его разговора, осуществленіе его воли), замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе, подошелъ ко мнѣ ближе, взялъ мою руку съ видомъ доброжелательства и, пожавъ ее, сказалъ: „до свиданія“.

Императоръ—единственный человѣкъ въ государствѣ, съ которымъ можно говорить безъ страха доносчиковъ; до сихъ поръ онъ также единственный, у котораго я нашелъ естественное чувство и искренность. Еслибы я жилъ въ этой странѣ и долженъ былъ скрывать какую-либо тайну, прежде всего,—я довѣрилъ-бы ее ему.

Отбрасывая въ сторону всякое обаяніе, этикетъ, всякую лесть, я считаю его однимъ изъ первыхъ людей въ Россіи. Правда, никто другой и не считалъ меня достойнымъ разговора съ тою откровенностью, которая легла въ основу его разговоровъ со мною.

Если въ немъ, какъ мнѣ кажется, больше гордости, чѣмъ самолюбія, болѣе достоинства, чѣмъ высокомерія, въ общемъ онъ долженъ остаться довольнымъ своими характеристиками, постепенно набросанными мною, и въ особенности впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня его рѣчами. Правду говоря, я всѣми силами противился его обаянію. Конечно, я менѣе всего революціонеръ, но я недовольный, и вотъ что значитъ родиться во Франціи и жить тамъ.....

Кромѣ того, мнѣ кажется, что будь я монархомъ, я полюбилъ-бы общество умовъ, признающихъ во мнѣ человѣка подъ оболоч-

вою государя, въ особенности, еслибы, по отнятіи отъ меня всѣхъ моихъ титуловъ, взятый самъ по себѣ, я имѣлъ-бы еще право быть судимымъ, какъ человѣкъ искренній, твердый и честный. Спросите сами себя серьезно и скажите мнѣ—развѣ по прочтеніи всего, разсказаннаго мною объ императорѣ Николаѣ съ самого моего пріѣзда въ Россію, вы можете вывести заключеніе, что этотъ государь стоитъ ниже представленія, составленнаго вами о немъ до чтенія моихъ писемъ? Вашъ отвѣтъ, если только онъ будетъ искрененъ, послужитъ моимъ оправданіемъ.

Наши частые разговоры на глазахъ всего общества доставили мнѣ здѣсь массу знакомствъ. Многіе изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ и въ другихъ мѣстахъ, бросаются мнѣ на шею, но только съ тѣхъ поръ, какъ увидѣли меня предметомъ особаго благоволенія императора. Замѣтьте, что все это люди первыхъ придворныхъ званій, но такова ужъ привычка свѣтскихъ людей, особенно официальныхъ, быть сдержанными во всемъ, кромѣ честолюбивыхъ разсчетовъ. Чтобы сохранить, живя при дворѣ, чувства, возвышающіяся надъ понятіями толпы, нужно быть одареннымъ высоко благородной душой: натуры-же благородныя рѣдки.

Нечего и говорить, что въ Россіи нѣтъ вельможъ, потому что нѣтъ независимыхъ характеровъ, исключая избранныхъ натуръ, которыя слишкомъ немногочисленны, чтобы ихъ вліяніе могло быть ощутительно; независимость характера обуславливается скорѣе гордостью, даваемою высокимъ рожденіемъ, чѣмъ богатствомъ и приобретеннымъ положеніемъ, а безъ независимости нѣтъ вельможъ.

Эта страна, въ столь многихъ отношеніяхъ отличная отъ нашей, приближается къ Франціи въ одномъ: въ ней нѣтъ соціальной іерархіи. Благодаря этому пробѣлу въ политической организаціи Россіи, въ ней, какъ и во Франціи, существуетъ всеобщее равенство; вслѣдствіе этого, и въ той, и въ другой странѣ, масса людей съ безпокойнымъ умомъ: у насъ она волнуется открыто, въ Россіи-же политическія страсти замкнуты.

Во Франціи каждый можетъ достигнуть всего, пользуясь трибуною, въ Россіи-же—дворомъ; самый ничтожный изъ всѣхъ, если онъ сѣмъбеть понравится государю, можетъ стать завтра первымъ послѣ него. Милость послѣдняго служитъ приманкой, заставляющей честолюбцевъ продѣлывать чудеса, точно такъ-же, какъ у насъ желаніе популярности производитъ удивительныя метаморфозы. Въ Петербургѣ становисься глубочайшимъ льстецомъ, какъ въ Парижѣ величайшимъ ораторомъ. Какой талантъ наблюдательности понадобится русскимъ царедворцамъ, чтобы открыть способъ нравиться

императору, прогуливаясь зимой по улицамъ Петербурга въ одномъ сюртукѣ! Эта героическая лесть, обращенная непосредственно къ природѣ и косвенно къ государю, стоила жизни многимъ честолюбцамъ, но сказать — честолюбцамъ слишкомъ сильно, потому что здѣсь льстятъ безкорыстно. Двѣ страсти, болѣе аналогичныя, чѣмъ это кажется, народная гордость и рабское самоотреченіе царедворца, даютъ поразительные результаты: первая поднимаетъ слово на высоту краснорѣчія, вторая-же придаетъ силу молчанію, но обѣ онѣ ведутъ къ одной и той же цѣли. Вотъ какимъ образомъ при неограниченномъ правленіи умы также взволнованы и безпокойны, какъ и при республикѣ, съ тою только разницею, что безмолвное броженіе поданныхъ монарха сильнѣе волнуетъ умы, благодаря той тайнѣ, въ какую должно облекаться честолюбіе, чтобы достигнуть успѣха здѣсь "...

Затѣмъ Кюстинъ возвращается къ описанію впечатлѣнія, произведеннаго на него спектаклемъ, о которомъ онъ говорилъ въ началѣ письма.

„Русскіе не достигли еще той степени цивилизаціи, когда возможно дѣйствительное наслажденіе искусствомъ. До сихъ поръ ихъ энтузіазмъ въ этомъ отношеніи—чистое тщеславіе, претензіи. Пусть этотъ народъ обратится къ самому себѣ, пусть онъ останется вѣренъ своему первоначальному характеру и, если небо одарило его способностью пониманія искусства, онъ откажется отъ подражанія и дастъ міру то, чего Богъ и природа въ правѣ ожидать отъ него; до тѣхъ-же поръ, все это великолѣпіе, въ глазахъ небольшого кружка русскихъ, истинныхъ любителей прекраснаго, прозябающихъ въ Петербургѣ, никогда не сравнится съ посѣщеніемъ Парижа или путешествіемъ въ Италію“.

Перевелъ К. Плавинскій.

Сообщ. Н. Е. Шилъдеръ.

РОССІЯ И РУССКІЙ ДВОРЪ въ 1839 г. ¹⁾

Записки французскаго путешественника Кюстина.

Письмо четырнадцатое.

Петербургъ 22-го іюля 1839 г.

Населеніе Петербурга простирается до 450,000 человекъ, не считая войскъ, если вѣрить словамъ русскихъ добрыхъ патріотовъ, но люди хорошо освѣдомленные и поэтому слывшіе здѣсь за неблагонамѣренныхъ, увѣрили меня, что оно не доходитъ до этой цифры, считая въ ней даже войска. Что дѣйствительно безспорно, то это то, что этотъ городъ дворцовъ, со своими огромными пустырями, называемыми площадями,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ I, I, іюль, стр. 21—22; изд. 1891 г., томъ LXIX, январь, стр. 145—184; февраль, стр. 407—420. „Русская Старина“ уже ознакомила своихъ читателей съ жизнью, личностью и первыми главами пресловутаго сочиненія маркиза де Кюстина. („Рус. Ст.“ изд. 1886 г., т. II, стр. 21; изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 145 и 407. Нынѣ представляя въ сообщеніи Н. К. Шильдера еще нѣсколько выдержекъ изъ того-же сочиненія, мы едва-ли должны оговаривать, что поверхностныя замѣтки маркиза, не лишены мѣстами остроумія и наблюдательности, но болѣе забавны по своей скороспѣлости, самоувѣренности автора, а иногда и прямо нелѣпости оныхъ, имѣютъ интересъ, между прочимъ, потому, что по нимъ читающая Европа полъ-вѣка тому назадъ составляла свои не всегда вѣрныя понятія о Россіи, русскихъ людяхъ и русскихъ учрежденіяхъ. Сочиненіе маркиза де-Кюстина имѣло долго и вполне незаслуженный успѣхъ за рубежомъ Россіи, что объясняется исключительно тогдашнимъ малымъ знакомствомъ Европы съ нашимъ отечествомъ. Р е д.

походить на поле, раздѣленное перегородками. Маленькіе деревянныя домики преобладаютъ въ удаленныхъ отъ центра частяхъ города.

Русскіе, происходя изъ семьи народовъ, долгое время остававшихся бродячими и непремѣнно воинственными, не выполнѣ еще забыли бивуачную жизнь. Всѣ народы, недавно явившіеся изъ Азіи, подобно туркамъ, живутъ въ Европѣ, какъ въ лагерѣ. Петербургъ—главная квартира арміи, а не столица народа. Какъ ни великолѣпенъ этотъ военный городъ, онъ кажется пустымъ европейцу.

— „Разстоянія—бичъ Россіи“, сказалъ мнѣ императоръ Николай, и справедливость этого замѣчанія можно провѣрить даже на улицахъ Петербурга. Здѣсь визитъ — цѣлое путешествіе, и ѣзда четверикомъ является необходимою для всякаго, кто захочетъ посѣщать свѣтъ. Но не всѣ имѣютъ право впрягать четверку лошадей въ свою карету; подобное разрѣшеніе дается лишь лицамъ съ извѣстнымъ положеніемъ.

Въ Петербургѣ до того много дворцовъ и похожихъ на дворцы казармъ, что, право, мнѣ кажется, что на площадяхъ его, вѣчно безмолвныхъ и угрюмыхъ, по причинѣ ихъ размѣровъ, а главное, ихъ неприкосновенной правильности, больше колоннъ, чѣмъ людей. За отсутствіемъ живаго понятія искусства и свободного творчества фантазій, пользующейся данными народной жизни и вновь воспроизводящей ее, въ основу петербургской архитектуры легла математическая вѣрность глаза. Поэтому-то, осматривая это отечество безвкусныхъ памятниковъ, ни на минуту не можешь забыть, что этотъ городъ созданъ волею одного человѣка, а не самимъ народомъ. Нѣтъ широкихъ замысловъ, хотя размѣры всего колоссальны. Это доказываетъ только, что все можетъ получиться по заказу, исключая граціи, родной сестры воображенія.

Главная улица въ Петербургѣ—Невскій проспектъ. Красивый, тянущійся на цѣлое лье, широкій какъ наши бульвары, мѣстами усаженный деревьями (1839 г.), съ тою же печальною участію, какъ въ Парижѣ, онъ служитъ мѣстомъ прогулокъ и свиданій для всѣхъ незнаемыхъ людей города. Собственно говоря, ихъ здѣсь немного, потому что здѣсь не двигаются просто для того, чтобы двигаться, а каждый шагъ имѣетъ свою цѣль, независимую отъ удовольствія. Идти съ приказаніемъ, прислуживаться, повиноваться кому бы то ни было — вотъ что приводитъ въ движеніе большую часть Петербурга и всей имперіи. Прекрасные каменные тротуары сильно разнятся отъ жалкихъ деревянныхъ мостковъ, еще донынѣ (1839 г.) позорящихъ отдаленныя улицы. Великолѣпный городъ, созданный Петромъ, украшенный Екатериною и выровненный другими монархами, на

болотистой и почти постоянно затопленной мѣстности теряется, наконецъ, въ ужасной кучѣ лавчонокъ и мастерскихъ, смѣшанной массѣ неопредѣленныхъ зданій, обширныхъ безформенныхъ площадей, которыя, благодаря природной безпорядочности русскихъ и ихъ врожденной неопрятности, въ теченіи цѣлаго столѣтія, загромаждаются разнаго рода остатками и нечистотами. Эта дрянь изъ года въ годъ накапливается въ русскихъ городахъ, чтобы протестовать противъ стремленій лицъ, лѣстящихъ себя надеждою истинно просвѣтити славянскія народности. Природный характеръ этихъ народовъ, какъ бы онъ искаженъ ни былъ, все таки пробивается въ какомъ-либо уголкѣ города или дома, и если у нихъ есть то, что называютъ городами или домами, то не потому, чтобы любили ихъ или чувствовали въ нихъ надобность, но потому лишь, что имъ сказали, что нужно ихъ имѣть или, лучше сказать, сносить, чтобы не отставать отъ коренныхъ націй цивилизованнаго запада. Главная же причина этому та, что если-бы они вздумали противорѣчить людямъ, руководящимъ ими чисто по военному и являющимся для нихъ одновременно капралами и педагогами, то ихъ палочными ударами прогнали-бы на ихъ родину въ Азію. Эти несчастныя залетныя птички, посаженныя въ клѣтку европейской цивилизаціей, жертвы маініи или, лучше сказать, глубоко разсчитаннаго честолюбія покорителей въ будущемъ міра, прекрасно сознающихъ, что прежде чѣмъ покорить насъ, надо подражать намъ.

Калмыцкую орду, расположившуюся подъ стѣнами бароновъ, вокругъ массы античныхъ храмовъ, греческій городъ съимпровизированный для татаръ, какъ декорація для театра, декорація великолѣпная, но безвкусная, предназначенная служить обстановкою дѣйствительной и страшной драмы — вотъ что прежде всего замѣчаешь въ Петербургѣ.

Въ русской цивилизаціи природа и исторія—нулевныя величины; ничто не связано ни съ почвою, ни съ народомъ: не было прогресса, но въ одинъ прекрасный день все было перенесено отъ иностранцевъ. Въ этомъ торжествѣ подражательности болѣе мастерства, чѣмъ искусства, та-же разница, что между гравюрою и рисункомъ. Талантъ изощряется только на идеяхъ другихъ.

Послѣ полдня Невскій проспектъ, большая дворцовая площадь, набережныя, мосты наполняются довольно большимъ количествомъ экипажей различныхъ родовъ и странныхъ формъ; это движеніе оживляетъ немного обычную печальную фізіономію этого города, самаго монотоннаго изъ всѣхъ столицъ Европы.

Внутренность домовъ одинаково угрюма, потому что, не смотря

на великолѣпіе мебели, по англійски нагроможденной въ нѣкоторыхъ комнатахъ, назначенныхъ для пріема, проглядываетъ домашняя пестрота, природная и глубокая беспорядочность, напоминающая Азію.

Мебель, менѣе всего употребляемая въ русскомъ домѣ — это кровать. Женская прислуга ночуетъ на полатахъ, похожихъ на находившіяся въ старинныхъ дворницкихъ Франціи, а мужская располагается на лѣстницѣ, въ прихожихъ и, говорятъ даже, въ гостинной, на подушкахъ, которыя они на ночь сбрасываютъ на полъ.

Сегодня утромъ я сдѣлалъ визитъ князю ***. Этотъ вельможа, раззорившійся, больной, страдающій водянкою, страдаетъ до невозможности встать, и, не смотря на это, ему не на чемъ лежать; этимъ я хочу сказать, что у него нѣтъ того, что называется кроватью въ странахъ, гдѣ цивилизація зародилась ранѣе. Онъ живетъ въ домѣ сестры, въ настоящее время отсутствующей. Одинъ въ пустынномъ дворцѣ онъ проводитъ ночь на деревянной скамейкѣ, покрытой ковромъ и нѣсколькими подушками. Это не можетъ быть приписано особенному вкусу единичной личности. Во всѣхъ русскихъ домахъ, гдѣ я былъ только, видно, что, ширмы необходимы постели славянъ, равно какъ ихъ тѣлу свойствененъ запахъ мускуса: поразительная нечистоплотность, не всегда исключаящая наружную элегантность. Иногда имѣется парадная кровать, предметъ роскоши, выставлемый изъ уваженія къ европейской цивилизаціи, но не служащій для употребленія.

Украшеніемъ, свойственнымъ домамъ нѣкоторыхъ изящныхъ русскихъ, является искусственный маленькій садикъ въ углу гостинной. Только два или три человѣка могутъ войти одновременно въ это уединенное мѣсто, не слишкомъ глубокое, но достаточно прикрытое, чтобы плѣнять воображеніе.

Впечатлѣніе, производимое этою комнатною рощицею, пріятно, и идея ея благоразумна въ странѣ, гдѣ каждый интимный разговоръ долженъ прикрываться тайною. Я полагаю этотъ обычай вынесеннымъ изъ Азіи.

Славяне, когда они красивы, высоки, со стройною, изящною наружностью, производящею однако-же впечатлѣніе силы. У нихъ вѣки миндалеобразно прорѣзанные и безпокойный хитрый взглядъ азіатскихъ народовъ. Ихъ глаза, черные или голубые, всегда прозрачны, въ нихъ много жизни, движенія, много прелести, потому что они смѣются. Этотъ народъ серьезенъ скорѣе по необходимости, чѣмъ по природѣ, осмѣливается смѣяться только взглядомъ, но

благодаря принужденному молчанію, взглядъ этотъ оживленный имъ замѣняетъ краснорѣчіе, до того онъ придаетъ страстность выраженію лица. Оно почти постоянно остроумно, иногда мягко, лѣжливо, еще болѣе часто печально и угрюмо, даже свирѣпо; оно напоминаетъ выраженіе дикаго звѣря, поавпаго въ западню.

Въ Россіи жизнь тяжела буквально всѣмъ; самъ императоръ, какъ и послѣдній изъ его подданныхъ, не свободенъ отъ бремени усталости. Мнѣ показывали его кровать: жесткость ея поразила бы даже нашихъ рабочихъ. Здѣсь всѣ принуждены повторять суровую истину: что дѣлъ нашей жизни не на землѣ и что удовольствія средствомъ достиженія ея не служатъ.

Неумолимый образъ долга и покорности является вамъ на каждомъ шагу и не позволяетъ позабыть суровое условіе человѣческой жизни — трудъ и горе. Въ Россіи жизнь возможна при единственномъ условіи — жертвовать всѣмъ земному отечеству, освященному вѣрою въ отечество небесное.

У Россіи нѣтъ прошлаго (?!), говорятъ любители старины. Это вѣрно, но будущее и протяженность ея дадутъ здѣсь пищу самому горячему воображенію. Участъ философа плачевна въ Россіи, но поэтъ можетъ и долженъ здѣсь правиться.

Безспорно, природа вложила глубоко поэтическое чувство въ душу русскихъ, народа насмѣшливаго и меланхоличнаго, если они нашли возможность придать оригинальный и живописный видъ городамъ, построеннымъ людьми, окончательно лишенными воображенія, и при томъ въ странѣ самой печальной, самой монотонной и пустынной на земномъ шарѣ. Безконечныя равнины, угрюмыя и низменныя пустыни — вотъ Россія. Но если-бы я могъ показать вамъ Петербургъ, съ его улицами и обитателями, такимъ, какъ я его вижу, я на каждой строчкѣ далъ-бы вамъ жанровую картину. Въ такой сильной степени гений славянской націи противодѣйствовалъ бесплодной маніи ея правительства. Это правленіе достигаетъ успѣха, благодаря военнымъ движеніямъ: оно напоминаетъ Пруссію при ея первомъ королѣ.

Я описалъ вамъ городъ безъ опредѣленнаго характера, скорѣе пышный, чѣмъ грандіозный, болѣе обширный, чѣмъ красивый, наполненный зданіями, лишенными стили, вкуса, историческаго значенія. Но чтобы быть обстоятельнымъ, т. е. сираведливымъ, слѣдовало бы одновременно заставить двигаться передъ вашими глазами, вѣѣ этихъ претенціозныхъ и смѣшныхъ декорацій, людей по природѣ изящныхъ и сжумѣвшихъ принаровить для себя городъ, построенный для людей, нигдѣ не существующихъ, потому

что Петербургъ созданъ для людей богатыхъ, умъ которыхъ развился отъ сравненій, безъ особенной основательности, различныхъ странъ Европы. Этотъ легионъ путешественниковъ, болѣе или менѣе утонченныхъ, болѣе опытныхъ, чѣмъ образованныхъ, составляетъ искусственную націю, наборъ умовъ развитыхъ и гибкихъ, набранныхъ у всѣхъ народовъ міра: это не русскій народъ, послѣдній хитеръ, какъ рабъ утѣшающійся въ своемъ рабствѣ скрытымъ смѣхомъ, суевѣренъ, хвастливъ, храбръ и лѣнивъ, какъ солдатъ, поэтиченъ, музыкаленъ и обдуманъ, какъ пастухъ, потому что привычки бродячихъ народовъ надолго останутся отличительными среди славянъ; все это не соответствуетъ ни стилю зданій, ни распланировкѣ петербургскихъ улицъ,—здѣсь очевидно разногласіе между архитекторомъ и обитателемъ. Европейскіе инженеры явились и указали москвитамъ, какъ должно построить и украсить столицу, достойную удивленія Европы, и тѣ, съ ихъ военною покорностью, уступили силѣ команды. Петръ Великій скорѣе противъ шведовъ, чѣмъ собственно для русскихъ, построилъ Петербургъ, но природа народа сказывается, не смотря на его уваженіе къ затѣямъ правителя и на недовѣріе къ себѣ самому, — и вотъ этому-то невольному послушанію обязана Россія отпечаткомъ своей оригинальности; ничто не могло лишить народъ его природнаго характера; это торжество врожденныхъ качествъ надъ дурно направленнымъ воспитаніемъ—интересно для cadaго путешественника, способнаго оцѣнить его.

По счастью для живописца-поэта, русскіе глубоко религіозны: ихъ церкви, по крайней мѣрѣ, неоспоримо принадлежать имъ; неизмѣнная форма храмовъ благочестія составляетъ часть ихъ культа, и вѣра защищаетъ эти религіозныя крѣпости противъ страсти къ математическимъ фигурамъ, тесаннымъ изъ камня длинныхъ четвереугольниковъ, плоскихъ поверхностей и прямыхъ линій; наконецъ, онѣ скорѣе военной, чѣмъ классической архитектуры, придающей каждому городу этой страны видъ лагеря, созданнаго лишь на нѣсколько недѣль, на время большихъ маневровъ.

Духъ кочеваго народа сказывается также въ экипажахъ, сбруѣ и упряжи русскихъ.

Если вы схватите хорошенько картину, представляемую Петербургомъ, вы поймете насколько безконечно живописенъ Петербургъ, не смотря на дурной вкусъ занятой у другихъ архитектуры, не смотря на болотистую окраску окружающихъ его полей, не смотря на совершенное однообразіе почвы и блѣдность прекрасныхъ лѣтнихъ дней подъ сѣрымъ сѣвернымъ климатомъ.

Посмотрите на могущество природныхъ качествъ народовъ: въ продолженіе болѣе ста лѣтъ русскіе хорошо воспитанные, вельможи, ученые, администраторы—какъ милостиню собирали идеи и подражали примѣрамъ, даваемымъ обществами всей Европы и что-же? эта фантазія правителей и царедворцевъ не помѣшала народу остаться самобытнымъ ¹⁾).

Эта одаренная умомъ нація слишкомъ утонченна по своей природѣ, обладаетъ слишкомъ развитымъ тактомъ, чтобы она могла слиться съ тевтонскими народностями. И донинѣ еще нѣмецкая буржуазія болѣе чужда Россіи, чѣмъ Испанія съ своимъ населеніемъ арабской крови. Духу славянъ антипатичны медленность, постепенность, грубость, робость, неловкость. Они легче перенесли-бы мечь и тиранію; нѣмецкія добродѣтели сами по себѣ ненавистны русскимъ, поэтому-то послѣдніе, не смотря на ихъ политическія и религіозныя звѣрства, болѣе успѣли во мнѣніи Варшавы, чѣмъ пруссаки съ ихъ рѣдкими и устойчивыми качествами, отличающими тевтонскую расу: я не говорю, чтобы это было хорошо, но я отмѣчаю это лишь какъ фактъ: не всѣ братья любятъ другъ друга взаимно, но каждый понимаетъ другаго.

Что же касается до аналогій, какъ мнѣ кажется существующей въ нѣкоторомъ отношеніи между русскими и испанцами, она просто объясняется сношеніями, которыя могли существовать между арабскими племенами и нѣкоторыми изъ ордъ, перешедшихъ изъ Азій въ Московію. Мавританская архитектура имѣетъ общее съ византійской—служащей типомъ истинной архитектуры московской. Духъ азіатскихъ народовъ, блуждающихъ по Африкѣ, не могъ-бы быть противнымъ духу прочихъ восточныхъ народовъ, только что водворившихся въ Европѣ; исторія объясняется прогрессивнымъ вліяніемъ расъ, это необходимость социальная, какъ характеръ есть необходимость личная.

Не будь различія религій, различныхъ нравовъ народовъ, я подумалъ-бы, что нахожусь на самой высокой и самой безплодной равнинѣ Кастиліи. И дѣйствительно, здѣсь африканская жара; въ продолженіе двадцати лѣтъ въ Россіи не было такого палящаго лѣта.

Русскій народъ въ высшей степени ленокъ; лишь противно цѣлямъ природы эта нація была отброшена къ полюсу человѣческими столкновеніями и удержана здѣсь силою политической

¹⁾ Этотъ упрекъ, падающій на Петра I и его непосредственныхъ преемниковъ, дополняетъ славу императора Николая, начавшаго удерживать этотъ порокъ.

Прим. автора.

необходимости. Кто внимательнѣе вникъ-бы въ цѣли Провидѣнія, тотъ повялъ бы, что борьба съ природою—тяжелое испытаніе, которому Господу Богу было угодно подвергнуть этотъ народъ, предназначенный имъ для торжества въ будущемъ. Борьба—школа Провидѣнія.

Дрова становятся рѣдки въ Россіи, и здѣсь, въ Петербургѣ, также дороги, какъ въ Парижѣ...

Вообще русскіе проявляютъ свои способности скорѣе въ умѣніи пользоваться плохими орудіями, чѣмъ въ улучшеніи уже имѣющихся у нихъ. Не слишкомъ одаренные изобрѣтательностью, они терпятъ недостатокъ въ машинахъ, годныхъ для преслѣдуемой ими цѣли. Этотъ народъ, такъ широко надѣленный изяществомъ и добротою, лишень создающаго начала. Еще разъ повторяю: русскіе—римляне сѣвера. И тѣ, и другіе почерпнули свои науки и искусства изъ-заграницы. Они одарены умомъ, но этотъ умъ чисто подражательный, и слѣдовательно, скорѣе ироническій, чѣмъ плодотворный: онъ все поддѣлываетъ, но ничего не выдумаетъ.

Русскіе вносятъ съ собою непріятный запахъ, чувствуемый еще издали. Свѣтскіе люди отдають мускусомъ, народъ же—кислою капустою, смѣшанною съ виномъ и старыми вонючими кожами.

Вы поймете поэтому, что тридцать тысячъ подданныхъ, являющихся въ день новаго года съ поздравленіями повсюду и часть которыхъ, тысячъ шесть или семь, мы увидимъ завтра толпящимися въ Петергофъ и у его дворца, должны оставлять на своемъ пути ужасный запахъ (!?)

Ни одна изъ всѣхъ встрѣченныхъ мною до сихъ поръ крестьянокъ не показалась мнѣ красивою, но бѣлая часть изъ нихъ удивительно безобразны и отталкивающе нечистоплотны. Невольно удивляешься при мысли, что это жены именно тѣхъ самыхъ мужчинъ со столь не правильными чертами лица, съ греческимъ профилемъ, съ изящнымъ и гибкимъ станомъ, которыхъ встрѣчаешь даже между низшими классами народа. Ничего нѣтъ красивѣе стариковъ и безобразнѣе русскихъ старыхъ женщинъ. Я мало видѣлъ мѣщанокъ; къ особенностямъ Петербурга относится то, что въ сравненіи со столицами другихъ странъ—женщинъ въ немъ значительно меньше мужчинъ.

Въ общемъ русскія женщины менѣе показываются публично, чѣмъ во Франціи. Впрочемъ, недалеко то время, когда ихъ держали подъ ключемъ.

Самое прекрасное зрѣлище въ Петербургѣ—парады, и это еще болѣе подтверждаетъ мою мысль о русскихъ городахъ-лагеряхъ.

Если страхъ дѣлаетъ здѣсь людей серьезными, онъ ихъ дѣлаетъ

и очень вѣжливыми. Я нигдѣ не видѣлъ, чтобы такая масса людей обходилась съ такимъ взаимнымъ уваженіемъ, и это при томъ во всѣхъ классахъ общества. Быть можетъ, эта вѣжливость притворная; я ее считаю, по меньшей мѣрѣ, принужденною, но даже форма сама по себѣ способствуетъ большому удовольствію въ жизни.

Письмо пятнадцатое.

Петергофъ, 23-го іюля 1839 г.

Петергофскій праздникъ должно разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: внѣшней и нравственной, тогда одно и то-же зрѣлище производитъ два различныхъ впечатлѣнія.

Я ничего еще не видѣлъ столь пріятнаго для глазъ и столь тягостнаго для мысли, какъ это такъ называемое народное собраніе придворныхъ и крестьянъ, сталкивающихся въ однихъ и тѣхъ же залахъ, не сближаясь между собою сердцемъ. Здѣсь при этихъ общихъ торжествахъ не говорится земляничку: „ты таковъ же, какъ я“, но говорится вельможѣ: „ты такой же рабъ (?), какъ они“.

„Царствованіе Екатерины Великой и Александра лишь продолжили систематически дѣтство этого народа, существующаго лишь по имени.“

„Екатерина устроила школы лишь для удовлетворенія французскихъ философовъ, чьихъ похвалъ искало ея тщеславіе. Губернаторъ Москвы, одинъ изъ ея старыхъ фаворитовъ, вознагражденный пышнымъ изгнаніемъ въ древнюю столицу имперіи, писалъ ей, что никто не посылаетъ въ школу дѣтей; императрица отвѣтила ему приблизительно слѣдующее: „Дорогой князь, не сѣуйте на то, что у русскихъ нѣтъ стремленія къ просвѣщенію; если я устраиваю школы, то не для насъ, а для Европы, гдѣ нужно поддерживать себя въ общественномъ мнѣніи, но если бы наши крестьяне пожелали образованья, то ни вы, ни я не сохранили бы своего положенія“.

Это письмо было прочтено однимъ лицомъ достойнымъ моего довѣрія (!); безъ сомнѣнія, императрица была разсѣянна, когда писала его, а именно благодаря тому, что она была подвержена подобнымъ разсѣяностямъ, ее находили столь любезной и она

пользовалась столь могущественнымъ вліяніемъ на умы людей впечатлительныхъ.

Русскіе, слѣдуя ихъ обыкновенной тактикѣ, отвергнуть достовѣрность этого анекдота, но если я не ручаюсь за точность словъ, я вполнѣ увѣренъ, что они выражаютъ истинную (!) мысль государыни. Для васъ-же и для меня этого вполнѣ достаточно.

Это злосчастное мнѣніе Европы—призракъ, преслѣдующій ихъ въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ ихъ мысли и сводящій для нихъ цивилизацію на степень фокуса, продѣлываемаго съ большею или меньшею ловкостью.

Императоръ Николай, со своимъ здравымъ смысломъ и яснымъ умомъ, увидѣлъ эту преграду, но въ силахъ-ли онъ будетъ избѣгнуть ея? Необходимо больше, чѣмъ могущество Петра Великаго, чтобы поправить зло, причиненное этимъ первымъ губителемъ (!) русскихъ.

Теперь же трудность двойная: умъ крестьянина, оставшагося грубымъ и варварскимъ, противится культурѣ, а между тѣмъ его привычки, его нравъ накладываютъ на него узду; въ то-же время ложный лоскъ вельможъ стоитъ въ противорѣчіи съ народнымъ характеромъ, на который слѣдовало-бы опереться, желая облагородить народъ: какое усложненіе? кто распутаетъ этотъ новый Гордіевъ узелъ?....

Я восхищаюсь императоромъ Николаемъ: лишь геніальный человѣкъ въ состояніи выполнить задачу, которую онъ взялъ на себя. Онъ увидѣлъ зло, предугадываетъ лекарство и пытается употребить его: просвѣщеніе и воля—вотъ что образуетъ великихъ монарховъ.

Должно сказать правду, русскіе всѣхъ классовъ общества съ удивительнымъ единодушіемъ стараются доставить у себя торжество двуличности. Они владѣютъ искусствомъ лжи, естественности въ лживости. и эти успѣхи настолько же ужасаютъ меня, насколько возмущаютъ мое чистосердечіе....

Россія—тѣло безъ жизни, колоссъ, живущій одной лишь головою, у котораго всѣ члены, одинаково лишены жизни, мертвѣютъ. Это страна, гдѣ люди менѣе всего дѣйствительно счастливы.

Въ Россіи нѣтъ средняго класса. Купцы, которые могли бы составить его, до того малочисленны, что не могутъ выдѣляться въ государствѣ; впрочемъ, почти всѣ они иностранцы. Писателей насчитываютъ по одному или по два на каждое поколѣніе, артистовъ столько-же, какъ писателей; ихъ малочисленность доставляетъ

имъ уваженіе, но въ то-же время вредить ихъ соціальному вліянію. Адвокатовъ нѣтъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ справедливости (!), и гдѣ-же тогда найти то среднее сословіе, составляющее силу государства и безъ котораго народъ является стадомъ.

Я не упомянулъ еще о разрядѣ людей, которыхъ нельзя причислять ни къ высшимъ, ни къ низшимъ: это сыновья духовныхъ, почти исключительно дѣлающихся маленькими чиновниками, и эта толпа—настоящая язва Россіи: она образуетъ родъ темнаго дворянства, въ высшей степени враждебнаго вельможамъ, дворянство съ самымъ антиаристократическимъ направленіемъ, въ полномъ политическомъ значеніи этого слова, и тѣмъ не менѣе очень обременительное для крѣпостныхъ; именно эти неудобные для государства люди, плодъ ереси (!!), позволяющей священнику имѣть жену, начнутъ будущую революцію въ Россіи.

Классъ этого второстепеннаго дворянства набирается также среди артистовъ, чиновниковъ, прибывшихъ изъ за границы, и ихъ дѣтей, получившихъ дворянство: видите-ли вы во всемъ этомъ хоть частичку народа, дѣйствительно русскаго, достойнаго и способнаго оправдать и оцѣнить народническое направленіе императора Николая?

Повторяю еще разъ—въ Россіи обманъ во всемъ (!?). Здѣсь не извѣстны ни истинныя радости умовъ культивированныхъ, ни полная и жестокая свобода дикихъ, ни независимость дѣйствій полудикаря, варвара; для родившагося здѣсь я не вижу иного вознагражденія за это несчастіе (!) — какъ гордые помыслы и надежда на господство; я всегда думаю объ этой страсти, когда принимаюсь анализировать нравственную жизнь русскихъ. Россія думаетъ и живетъ, какъ солдатъ.... какъ солдатъ побѣдоносный.

Напрасны труды и усилія русскихъ: каждый чистосердечный наблюдатель найдетъ въ нихъ лишь грековъ, обученныхъ новѣйшей стратегіи пруссаками XVIII и французами XIX вѣковъ.

Николай I выступилъ защитникомъ монархическаго начала въ Европѣ, и извѣстно съ какимъ чистосердечіемъ онъ поддерживаетъ эту роль. Онъ не дѣйствуетъ, подобно нѣкоторымъ государствамъ, въ каждой мѣстности слѣдуя иной политикѣ, руководствуясь при этомъ чисто эгонистическими выгодами,—совершенно напротивъ, онъ всюду истиннопокровительствуетъ принципамъ, согласующимся съ его системою; вотъ до какой степени онъ абсолютный роялистъ. Подобнымъ-же образомъ Англія есть государство либеральное, конституціонное и благопріятное филантропіи.

Императоръ Николай ежедневно читаетъ самъ отъ начала до

конца только одинъ журналъ: французскій „Journal des Débats“. Онъ прочитываетъ другія газеты, когда ему укажутъ въ нихъ на интересную статью.

Поддерживать власть, чтобы спасти общественный строй, — вотъ цѣль лучшихъ умовъ Франціи, и таково постоянное направленіе „Journal des débats“, мысль, проводимая съ большимъ искусствомъ, объясняющимъ уваженіе, которымъ пользуется эта газета у насъ и въ остальной части Европы...

Вечеромъ былъ фейерверкъ. Деревья исчезали подъ блестящими украшениями: въ каждой аллеѣ было столько же лампочекъ, какъ и листьевъ: это Азія, но Азія не современная, не дѣйствительная, но сказочный Багдадъ изъ „Тысячи и одной ночи“, или еще болѣе достославный Вавилонъ Семирамиды.

Въ Россіи императоръ Николай заставляетъ поблѣднѣть солнце.

Во всякой другой странѣ такое громадное скопленіе людей произвело бы давку, поразительную сумятицу. Въ Россіи-же все дѣлается со средоточенностью, все принимаетъ характеръ церемоніала: тамъ молчаніе — въ обычаѣ.

Въ Петергофѣ много войскъ стоятъ лагеремъ. Въ лагерѣ солдатъ подчиненъ болѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ въ казармахъ; столько строгости въ мирное время, на открытомъ полѣ и въ праздничный день напоминаетъ мнѣ слова великаго князя Константина Павловича: „я не люблю войны, она портитъ солдатъ, начкаетъ платья и разрушаетъ дисциплину“.

Вечеромъ-же костюмированный балъ. Благородная фигура Николая Павловича возвышалась надъ всѣми и внушала уваженіе этому волнующемуся морю головъ — это просто виргиліевскій Нептунъ.

Нельзя быть болѣе императоромъ, чѣмъ онъ.

На другой день утромъ былъ смотръ кадетскимъ корпусамъ. Его Величество казался довольнымъ; онъ взялъ за руку одного маленькаго кадета, подвелъ его къ императрицѣ, представилъ его ей и поднялъ потомъ на рукахъ на высоту своей головы, т. е., надъ головами всѣхъ собравшихся, и публично обнялъ его.

Затѣмъ была еще джигитовка казаковъ.

Пер. съ франц. К. Плавинскій.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

РОССІЯ и РУССКІЙ ДВОРЪ въ 1839 г. ¹⁾

Записки французскаго путешественника де-Кюстина.

Письмо шестнадцатое.

Петербургъ, 27-го іюля 1839 г.

Кюстину очень хотѣлъ ^{осб}осмотрѣть въ Петергофѣ коттеджъ, во время пребыванія въ немъ государя и государыни. Хотя это достигалось съ большимъ трудомъ, но баронесса *** устроила ему это. Въ условленный день, въ 11 часовъ утра, вмѣстѣ съ баронессою *** онъ былъ въ коттеджѣ. Вдругъ лакей доложилъ ей, что императрица Александра Феодоровна, противъ своего обыкновенія, уже возвращается съ прогулки. „Какая перемѣна, я не успѣю ничего осмотрѣть!“ воскликнулъ Кюстинъ.

— „Быть можетъ: пройдите черезъ эту террасу въ садъ и ждите меня при входѣ въ садъ“.

„Не прошло и двухъ минутъ, какъ я находился тамъ, какъ увидѣлъ императрицу совершенно одну, быстро сходящую по ступенямъ крыльца и направляющуюся ко мнѣ. Ея стройная, высокая фигура своеобразно граціозна; ея походка быстра, легка и вмѣстѣ съ тѣмъ благородна; ей свойственны нѣкоторые движенія плечъ и рукъ, нѣкоторыя позы, которыя нельзя забыть. Она была одѣта въ бѣломъ; ея лицо, окаймленное бѣлымъ капотомъ, казалось отдохнувшимъ; въ глазахъ проглядывало выраженіе грусти,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ II, іюль, стр. 21—22; изд. 1891 г., томъ LXIX, январь, стр. 145—184; февраль, стр. 407—420; изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 109—130.

кротости и спокойствія; граціозно приподнятый вуаль обрамлялъ ей лицо; сквозной шарфъ укутывалъ ей плечи и дополнялъ въ высшей степени элегантный утренній костюмъ. Еще никогда не казалась она мнѣ столь интересною: при подобномъ видѣ всѣ зловѣщія предположенія бала разсѣялись—императрица показалась мнѣ воскреснувшей, и меня охватило что то похожее на чувство спокойной увѣренности, являющейся днемъ послѣ тревожно проведенной ночи. Бя величество, подумалъ я, безъ сомнѣнія сильнѣе меня, если такъ перенесла третьеводнишнее празднество, вчерашніе смотръ и раутъ и сегодня встала такою блестящею, какъ я еще не видалъ ея.

— „Я сократила мою прогулку, потому что знала, что вы здѣсь“.

„Ахъ, государыня, я былъ далекъ отъ мысли встрѣтить столько доброты“.

— „Я ничего не сказала о моемъ намѣреніи ***, сейчасъ только что избранившей меня, что я явилась, не предупредивши васъ; она утверждаетъ, что я беспокою васъ въ вашемъ осмотрѣ. Значить, вы являетесь сюда, чтобы вывѣдать наши секреты“.

„Я-бы очень желалъ этого, государыня, можешь только выпрашивать прозикновенья въ мысли людей, такъ хорошо умѣющихъ выбирать между пышностью и изяществомъ“.

— „Пребываніе въ Петергофѣ мнѣ невыносимо, и вотъ чтобъ имѣть возможность дать отдохнуть глазамъ отъ этого тяжелаго блеска, я просила императора объ этой избушкѣ. Я никогда не была такъ счастлива, какъ въ этомъ домикѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ одна изъ моихъ дочерей вышла замужъ, а сыновья учатся въ другомъ мѣстѣ, онъ сталъ слишкомъ великъ для насъ“.

Я улыбнулся безъ отвѣта, — я былъ очарованъ: мнѣ казалось, что эта женщина, столь отличная отъ той, въ чью честь третьяго дня давался пышный праздникъ, должна раздѣлять всѣ мои впечатлѣнія; какъ и я, думалось мнѣ, она чувствовала усталость, пустоту, понимала лживый блескъ этого официального праздника и въ настоящую минуту сознаетъ, что достойна чего-нибудь лучшаго. Я сравнивалъ цвѣты коттаджа съ дворцовыми ботрами, чудное солнечное утро съ освѣщенной торжественно ночью, тишину прелестнаго уединенія съ суматохою наполнявшей дворецъ толпы, праздникъ природы съ придворнымъ, женщину съ императрицею—и я былъ восхищенъ хорошимъ вкусомъ и умѣньемъ, съ которымъ эта царица сумѣла избѣжать скуки представительства и окружить себя всѣмъ, что составляетъ прелесть частной жизни. Это было

новое волшебство, плѣнявшее мое воображеніе еще болѣе, чѣмъ чары могущества и величія.

— „Я не хочу оправдать словъ М**, продолжала императрица: Вы можете осмотрѣть коттеджъ въ подробностяхъ, и вамъ его покажетъ мой сынъ. Я-же въ это время осмотрю свои цвѣты, и надѣюсь увидеть васъ еще“.

Таковъ былъ пріемъ, встрѣченный мною у этой женщины, слышущей высокомерно не только въ Европѣ, гдѣ ея совершенно не знаютъ, но и въ Россіи, гдѣ ее близко видятъ.

Въ эту минуту присоединился къ своей матери великій князь, наслѣдникъ Александръ Николаевичъ; онъ былъ съ М** и со старшею ея дочерью, молодою дѣвушкою, лѣтъ четырнадцать, свѣжею какъ роза, и красивою какъ только были во Франціи во времена Буше. Она простой живой образецъ одного изъ самыхъ пріятныхъ портретовъ этого художника.

Императрица все не прощалась со мною и мы продолжали ходить взадъ и впередъ передъ домомъ.

Императрица знаетъ насколько я интересуюсь всѣмъ семействомъ М***, по происхожденію польки. Ей извѣстно также, что одинъ изъ братьевъ этой дамы живетъ въ Парижѣ. Она навела разговоръ на жизнь этого молодого человѣка и долго съ замѣтнымъ интересомъ спрашивала объ его характерѣ, чувствахъ, взглядахъ: для меня это было удобнымъ случаемъ высказать все то, къ чему побуждала моя привязанность къ нему. Она внимательно слушала меня. Когда я кончилъ, великій князь, обращаясь къ матери, продолжалъ въ томъ-же родѣ и сказалъ: „я недавно встрѣтилъ его въ Эмсѣ и онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе“.

„И все же такому человѣку не позволяютъ являться сюда, потому что онъ выѣхалъ въ Германію послѣ польской революціи“, воскликнула М*** подъ вліяніемъ любви къ брату и свободы выражаться, которую не могла заглушить въ ней привычка къ придворной жизни съ самаго малолѣтства.

— „Но что же онъ сдѣлалъ такого?“ спросила меня императрица съ неподражаемымъ оттѣнкомъ нетерпѣнія, смѣшаннаго съ добротою.

Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе отвѣчать на столь прямой вопросъ, потому что необходимо приходилось касаться деликатнаго предмета политики—и тѣмъ рисковать испортить все дѣло.

Великій князь явился ко мнѣ на помощь съ такою любезностью и изысканностью, что я оказался-бы просто неблагодарнымъ, аз-

бывши ихъ; безъ сомнѣнія, онъ подумалъ, что мнѣ предстоитъ слишкомъ много сказать, чтобы осмѣлиться отвѣчать, и предупредая какую-либо уловку, способную выдать мое замѣшательство и погубить дѣло, за которое я ратовалъ, онъ горячо воскликнулъ: „кто же, матушка, спрашивалъ когда-либо съ пятнадцати-лѣтняго ребенка за то, что онъ творить въ политикѣ“.

Этотъ отвѣтъ, полный души и ума, вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія и положилъ конецъ нашему разговору. Если-бы я рѣшился истолковывать молчаніе императрицы, я сказалъ-бы, что она думаетъ слѣдующее: „что-же въ концѣ концовъ я могла-бы сдѣлать для этого молодаго человѣка? у меня такъ мало власти!“

По знаку императрицы, великій князь, мадамъ *** и дочь ея вернулись въ коттѣджъ. Мнѣ было-бы пріятнѣе встрѣтить въ этомъ домикѣ поменьше роскоши въ меблировкѣ и побольше произведеній искусства. Нижній этажъ совершенно напоминаетъ дома богатыхъ и фешенебельныхъ англичанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одной выдающейся картины, ни куска мрамора или терракота не обнаруживали въ хозяевахъ замѣтной наклонности къ шедеврамъ живописи и скульптуры. Этимъ не только болѣе или менѣе обрисовываешь себя самого, но любовь прекраснаго доказываетъ любовь и пониманіе искусства. Я всегда сожалѣю объ отсутствіи подобной страсти у людей, которымъ было-бы такъ легко удовлетворить ей.

Впрочемъ императоръ Николай—не императоръ Рима, онъ не считаетъ себя обязаннымъ любить искусство.

Нижній этажъ мы осмотрѣли быстро изъ опасенія наскучить нашему провожатому. Присутствіе августѣйшаго чичероне стѣсняло меня. Съ принцемъ серьезнымъ я могъ бы надѣяться спастись разговоромъ, но съ принцемъ молодымъ, изящнымъ и веселымъ я чувствовалъ себя безпомощнымъ. Но скоро онъ самъ вывелъ меня изъ этого затруднительнаго положенія. Остановившись на верху лѣстницы, онъ проговорилъ мнѣ съ вѣжливостью властелина, тайна которой извѣстна ему, не смотря на его совершенную молодость: „я увѣренъ, что вамъ было-бъ несравненно пріятнѣе осмотрѣть все это безъ меня, а я все это видѣлъ такъ часто, что признаюсь вамъ, охотно бы предоставилъ вамъ докончить этотъ осмотръ съ М***. Я присоединюсь къ матушкѣ и съ нею буду ждать васъ“.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ намъ полный граціи поклонъ и покинулъ меня очарованнаго его лестною свободою манеръ.

Чѣмъ объяснить застѣнчивость великихъ писателей и князей?

Къ счастью, князья русской императорской фамиліи нисколько не застѣнчивы, они вполне дѣти своего вѣка; въ ихъ манерахъ и языкѣ не замѣчаешь и слѣдовъ того замѣшательства, которое долгое время составляло мученіе для хозяевъ Версаля и ихъ придворныхъ, потому что, что же можетъ быть болѣе стѣснительнымъ, какъ застѣнчивый князь.

Умѣть покинуть своего гостя, не огорчивъ его—своимъ уходомъ верхъ вѣжливости, шедевръ гостепріимства.

Когда великій князь уходилъ, mlle^c находилась позади своей матери; молодой князь, проходя мимо, остановился около нея съ очень серьезнымъ видомъ, нѣсколько насмѣшливымъ, и, не сказавши ни слова, сдѣлалъ глубокій поклонъ. Молодая дѣвушка, понимая, что этотъ поклонъ—иронія, осталась неподвижною, въ позѣ полной почтительности, но не отвѣчая на поклонъ.

Я восхищался этими оттѣнками, плодомъ прекраснаго воспитанія. И сомнѣваюсь, чтобы при этомъ дворѣ хоть одной особѣ лѣтъ 25 свойственна была черта подобной храбрости: только невинности принадлежитъ умѣнье соединить истинное чувство своего, достоинства, котораго никто не долженъ терять, съ почтеніемъ должнымъ извѣстнымъ общественнымъ положеніямъ. Этотъ образецъ такта не прошелъ незамѣченнымъ:

— „Всегда одинакова“, проговорилъ, удаляясь, великій князь.

Они вмѣстѣ росли; разница въ пять лѣтъ не мѣшала имъ часто играть въ общія игры. Подобная близость никогда не забывается даже при дворѣ.

Чтобы оцѣнить членовъ царской семьи императора Николая, должно видѣть ихъ вблизи: они созданы, чтобы стоять во главѣ своей страны, потому что во всѣхъ отношеніяхъ они первые въ своей странѣ. Императорская фамилія изъ всего видѣннаго мною въ Россіи болѣе всего способна возбудить удивленіе иностранца.

Окончивши бѣгло осмотръ коттеджа, я откланялся императрицѣ и отправился въ каретѣ въ Ораніенбаумъ, гдѣ осматривалъ развалины дворца, изъ котораго Петръ III былъ вывезенъ въ Ропшу“.

Письмо семнадцатое.

Петербургъ, 29-го іюля 1839 г.

„До настоящаго времени я былъ убѣжденъ, что истина также необходима для ума, какъ воздухъ и солнце для тѣла, но путешествіе въ Россіи разубѣждаетъ меня. Истина является потребностью лишь для избранныхъ или для націй болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, толпа-же мирится съ ложью, удобною для ея страстей и привычекъ“....

Затѣмъ Кюстинъ долго останавливается на несчастяхъ, причиненныхъ бурей, разразившеюся въ день тезоименитства государыни Александры Θεодоровны, и рассказываетъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ ему случаевъ.

Можете-ли вы представить себѣ ту массу разсказовъ, споровъ, догадокъ, криковъ, которые подняло бы подобное несчастье въ какой-либо другой странѣ, особенно же у насъ? Сколько журналовъ напечатали-бы и сколько-бы повторяли, что полиція никогда не исполняетъ своихъ обязанностей, что судохозяева жадны (нѣкоторыя изъ судовъ не вынесли бури, вслѣдствіе большой нагруженности), что власти, далеко не облегчая несчастье, лишь усугубляютъ его,—по своей безпечности или продажности, прибавили-бы, что свадьба великой княгини праздновалась подъ дурными предвѣщаніями какъ и свадьбы многихъ другихъ царственныхъ лицъ, и тогда посыпались бы числа, сближенія, выписки!... Здѣсь же ничего. Молчаніе болѣе страшное, чѣмъ само несчастье. Двѣ строчки въ газетахъ безъ всякихъ подробностей, и при дворѣ, въ городѣ, въ салонахъ большаго свѣта—ни слова! Россія дала себѣ слово не говорить ничего того, что могло бы разстроить.

„Изъ всѣхъ умственныхъ способностей единственно признается здѣсь только тактъ. Представьте себѣ народъ, благоразумный, какъ дипломатъ, намѣревающийся сдѣлать карьеру, и вы поймете, что за удовольствіе представляетъ изъ себя разговоръ въ Петербургѣ. Эта страна производитъ на меня впечатлѣніе двора спящей царевны: все здѣсь блестяще, горитъ золотомъ, великолепно, здѣсь не достаетъ только жизни“.

Затѣмъ Кюстинъ долго останавливается на частомъ бездѣйствіи полиціи въ то время, рассказываетъ о видѣнныхъ имъ дикихъ расправахъ на улицахъ, среди бѣла-дня (1839 г.).

„Я сознаюсь, что подобныя дѣйствія въ нравахъ русскихъ, потому что я не подмѣтилъ ни на чьемъ лицѣ знаковъ порицанія или

ужаса, а при этомъ присутствовали представители всѣхъ классовъ общества. Между тѣмъ изданъ сводъ законовъ. Если факты, приведенные мною, согласуются съ нимъ, тѣмъ хуже для закона; если они незаконны, тѣмъ хуже для администратора. Какое несчастіе быть только человѣкомъ, когда принимаешь на себя обязанности Бога!... иногда при томъ принужденъ бываешь принять ихъ для властелина.

Русскимъ врожденно стремленіе казаться европейцами, и пока эта тщеславная болѣзнь будетъ грызть ихъ сердце и мутить умъ,— у нихъ будетъ нѣсколько вельможъ, способныхъ играть въ изящество у насъ и у себя дома, но въ сущности они останутся варварами.

Императоръ Николай рано созналъ, что для Россіи пора одной лишь внѣшности миновала и что предстоитъ передѣлать въ странѣ все зданіе цивилизаціи.

Петръ, такъ называемый Великій, вторично-бы перевернулъ Россію, чтобы ее перестроить; Николай—искуснѣе. Онъ скрываетъ свою цѣль, чтобы тѣмъ вѣрнѣе осуществить ее. Я чувствую себя проникнутымъ уваженіемъ къ этому человѣку, всѣми силами своей души борящемуся противъ гениальныхъ трудовъ Петра Великаго; бросая вызовъ этому реформатору, онъ возвращаетъ естественный характеръ націи, болѣе чѣмъ въ теченіе цѣлаго столѣтія терзаемой на пути рабскаго подражанія.

Мысль императора проявляется даже въ улицахъ Петербурга; онъ не забавляется поспѣшнымъ сооруженіемъ колоннадъ — всюду кающуюся внѣшность государь замѣняетъ реальностью, всюду камень изгоняетъ гипсъ, и массовыя, и прочныя зданія смѣняютъ блескъ ложнаго величія. Русскіе должны стать русскими. Природа призываетъ русскихъ къ великимъ подвигамъ, а ихъ между тѣмъ, съ водворенія мнимой цивилизаціи занимали вздоромъ. Императоръ Николай лучше своихъ предшественниковъ понялъ ихъ призваніе, и въ его царствованіе все возросло, благодаря возврату къ истинѣ.

Надъ Петербургомъ возвышается колонна; это самая большая глыба гранита, когда-либо обработанная рукою человѣка, не исключая даже и египетскихъ памятниковъ. Въ опредѣленный день 100,000 солдатъ, весь городъ и много народу изъ окрестностей стеклись, не толпясь, на площадь передъ царскимъ дворцомъ, чтобы въ религіозномъ молчаніи присутствовать при поднятіи этого баснословнаго памятника, задуманнаго, исполненнаго и доставленнаго на площадь французомъ Монфераномъ, потому что русскіе все еще не могутъ обходиться безъ французовъ. Изумитель-

ныя машины дѣйствуютъ съ успѣхомъ, механика оживляетъ камень, и въ тотъ моментъ, когда колонна, освободившись отъ подпорокъ, какъ бы произвольно двигаясь, какъ живая, поднялась въ воздухѣ, войска, народъ, самъ императоръ наги на колѣна, чтобы поблагодарить Всевышняго за подобное чудо и воздать ему хвалу за великія дѣла, которыя онъ помогаетъ имъ совершать. Вотъ что я могу назвать національнымъ празднествомъ: это не лесть, легко принимаемая за сатиру, подобно петергофскому маскараду, это не жанровая картинка, но возвышенная историческая картина. Великое, пошлое, дурное, возвышенное, всѣ противорѣчія совмѣщаются въ этой удивительной странѣ, молчаніе поддерживаетъ возможность чуда и предохраняетъ эту машину отъ ломки.

Императоръ Николай простираетъ реформу даже на языкъ окружающихъ его: онъ требуетъ, чтобы при дворѣ говорили по русски. Большинство свѣтскихъ барынь, въ особенности родившихся въ Петербургѣ, не знаютъ своего роднаго языка: онѣ выучиваютъ нѣсколько русскихъ фразъ, которыми изъ повиновенія и дебатируютъ передъ императоромъ Николаемъ, когда онъ проходитъ по заламъ дворца, гдѣ ихъ удерживаютъ ихъ обязанности; одна изъ нихъ всегда на сторожѣ, чтобы условнымъ знакомъ предупредить приходъ государя: тотчасъ-же всѣ французскіе разговоры смолкаютъ, и русская рѣчь, предназначенная для польщенія императорскаго слуха, раздается во дворцѣ. Николай Павловичъ гордится, видя, до чего простирается его могущество реформатора....

Не знаю, что меня болѣе поражаетъ при видѣ этой безграничной державы—ея могущество или безсиліе.

Какъ и всякій реформаторъ, императоръ Николай одаренъ упрямствомъ, которое въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ.

На концѣ площади, громадной, точно цѣлая область, на той же, гдѣ возвышается колонна, вы замѣчаете гранитную гору—Исаакиевскій соборъ. Это сооруженіе, менѣе пышное и менѣе обремененное украшеніями, чѣмъ соборъ св. Петра въ Римѣ, но столько-же поразительно. Оно еще не кончено (1839 г.) и нельзя судить объ общемъ впечатлѣніи, но оно будетъ выходить изъ ряда всего заманнаго современнымъ духомъ другихъ народовъ. Матеріаломъ для него служатъ—гранитъ, бронза и желѣзо, и ничего больше. Видъ внушительный, но мрачный; начатый при Александрѣ, этотъ замѣчательный храмъ будетъ законченъ при Николаѣ тѣмъ же французомъ Монфераномъ, воздвигшимъ колонну.

Я извиняю скачки моей мысли, потому что, позволяя ей свободно переходить съ одного предмета на другой, съ одной идеи на

другую—я рисую вамъ Россію всю цѣликомъ; при бѣльшей систематичности мнѣ угрожала-бы опасность наталкиваться на слишкомъ рѣзкіе контрасты, а при желаніи избѣжать упрековъ въ путанности, отступленійхъ или непослѣдовательности, я потерялъ-бы возможность представить вамъ истину, какъ она представляется мнѣ—лицомъ къ лицу. Положеніе народа, величіе императора, видъ улицъ, красота памятниковъ, притупленіе умовъ—слѣдствіе извращенія (?) религіознаго начала—все это поражаетъ меня одновременно и, такъ сказать, сразу переходитъ подъ мое перо, и все это—сама Россія, главные черты жизни которой проявляются для меня въ самыхъ повидимому незначительныхъ явленіяхъ“.

Затѣмъ Кюстинъ приводитъ длинный разговоръ съ однимъ французомъ, петербургскимъ обитателемъ. Послѣдній рассказывалъ ему о происходившихъ въ то время на Волгѣ возмущеніяхъ крестьянъ, неправильно понявшихъ слова государя Николая Павловича, сказанныя имъ прибывшей въ Петербургъ крестьянской депутаціи,—поднявшихся массами, съ криками: „да здравствуетъ царь-батюшка!“ на высланныя противъ нихъ войска, видя въ солдатахъ лишь орудія помѣщиковъ. Зашла рѣчь и о кончинѣ Пушкина—„Русскаго Отелло.“ Признавая за нимъ, на основаніи рассказовъ, заслуги относительно стиля, Кюстинъ говоритъ, что въ Россіи это очень легкая заслуга, и что въ ней легко казаться оригинальнымъ, потому что всякое подраженіе будетъ казаться самостоятельнымъ творчествомъ. Говоря о той скорби, съ которою встрѣтило русское общество смерть Пушкина, путешественникъ прибавляетъ, что всѣ главнымъ образомъ оплакивали въ немъ свою славу, признанную всей Европой.

Петербургскій французъ, разубѣждая Кюстина въ возможности чисто русской цивилизаціи, высказалъ между прочимъ, что „императоръ Николай совершаетъ въ настоящее время, только въ обратномъ смыслѣ, ту же самую ошибку, въ которую впалъ императоръ Петръ I. Онъ принимаетъ за ничто (?!) исторію цѣлаго вѣка Петра Великаго: исторія имѣетъ свои предопредѣленія, всегда и всюду прошедшее простираетъ свое вліяніе и на настоящее. Горе тому, кто не хочетъ подчиниться ему“.

30-го іюля 1839 г.

„Вчера, кончивши писать, я принялся перечитывать нѣкоторые переводы стихотвореній Пушкина; они еще болѣе утвердили во мнѣ впечатлѣніе, оставленное первымъ чтеніемъ. Этотъ поэтъ заимствовалъ часть своихъ красокъ отъ новой школы западно-евро-

пейскихъ поэтовъ. Это не значить, чтобы усвоилъ анти-религіозные взгляды лорда Байрона, социальныя идеи нашихъ поэтовъ или философію поэтовъ нѣмецкихъ, но онъ заимствовалъ у нихъ манеру рисовать. Я еще не вижу въ немъ истиннаго (московского) русскаго поэта. Полякъ Мицкевичъ кажется мнѣ болѣе славяниномъ, хотя онъ, подобно Пушкину, прошелъ чрезъ вліяніе западныхъ литературъ.

Впрочемъ, если бы истинно русскій поэтъ и существовалъ, онъ могъ-бы обращаться только къ народу; въ салонахъ его бы не поняли и не читали-бы. Гдѣ нѣтъ языка, не можетъ быть поэзіи, нѣтъ и писателей. Надъ требованіями, чтобы при дворѣ говорили по русски, только смѣются (!?), ихъ считаютъ минутнымъ капризомъ. Послѣдующее поколѣніе будетъ благодарно Николаю за эту побѣду здраваго смысла надъ большимъ свѣтомъ.

Оригинальность мысли, болѣе чѣмъ предполагаютъ это, зависитъ отъ чистоты языка. Вотъ что уже цѣлое столѣтіе забываютъ въ Россіи и начинаютъ съ нѣкоторыхъ поръ забывать во Франціи. Я убѣжденъ, что недостатокъ оригинальности новѣйшихъ славянскихъ литературъ зависитъ отъ усвоеннаго русскими и поляками обычая, начиная съ XVIII-го вѣка вводить въ свои семейства иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Когда русскіе, хорошо воспитанные, возвращаются къ своему родному языку, они не говорятъ, а переводятъ, и этотъ затруднительный стиль стѣсняетъ свободу мысли, уничтожая простоту выраженія.

Почему китайцы до настоящаго времени (1839 г.) болѣе сдѣлали для человѣчества въ области литературы, философіи, нравственности, законодательства, чѣмъ русскіе? Потому что эта нація никогда не переставала любить свой природный языкъ“.

Письмо восемнадцатое.

Петербургъ, 30-го іюля 1839 г.

Происходившія въ 1839-мъ году волненія крестьянъ на Волгѣ даютъ возможность Кюстину разсказать цѣлую романическую исторію, описанную будто-бы какимъ-то княземъ. Героями этого романа являются: Ксенія, дочь одного управляющаго—человѣка грубаго и ненавидимаго крестьянами; дѣвушка характера во всемъ противоположнаго характеру отца, красавица N. N., любимая всѣми знающими ее, и ея молочный братъ, Федоръ, молодой крестьянинъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ Ксеніей, но потомъ подвергшійся всяческому гоненіямъ

со стороны отца своей молочной сестры, подозрѣвавшего въ немъ болѣе нѣжное чувство къ своей дочери, чѣмъ простую привязанность молочнаго брата. Не смотря на все это, тотъ же Ѳеодоръ, когда крестьяне начали звѣрствовать, жечь помѣщичьи усадьбы, пытался спасти своего врага Теленева и его дочь, къ которой онъ дѣйствительно былъ неравнодушенъ, но ему это не удалось, и Теленевъ, страшно изувѣченный, былъ сожженъ живымъ; Ксенія, сошедшая съ ума при этомъ зрѣлищѣ, и Ѳеодоръ избѣжали подобной участи, лишь благодаря усталости палачей. Въ концѣ концовъ, Ѳеодоръ вмѣстѣ со своими однопорученцами былъ сосланъ въ Сибирь.

Этотъ-то эпизодъ даетъ случай Кюстину срачить ужасы французской революціи съ тѣмъ, что, по его мнѣнію, часто (1839 г.) происходитъ въ Россіи.

„Потопленія въ Нантѣ, прозванныя Каррье республиканскими свадьбами, и случаи другихъ звѣрствъ, не отмѣченныхъ историками, могли бы служить доказательствомъ, что людская жестокость только дремлетъ даже въ самыхъ цивилизованныхъ націяхъ, но все таки есть разница между систематическою жестокостію мужиковъ—холодною и упорною—и мимолетнымъ бѣшенствомъ французовъ. Послѣдніе во время войны, объявленной ими Богу и человѣчеству, не находились въ своемъ естественномъ состояніи: привычка къ крови извратила ихъ характеръ, а непоследовательность, свойственная страстямъ, руководила ихъ дѣйствіями, потому что никогда они не были менѣе свободными, чѣмъ тогда, когда все совершалось у нихъ во имя свободы. Совершенно противное увидите у русскихъ, убивающихъ другъ друга, не измѣняя своему характеру: они какъ будто выполняютъ свой долгъ. Этой методичности, ровности въ выполненіи задуманнаго убійства способствуетъ даже однообразно-монотонный видъ поверхности Россіи.

Будущее никому неизвѣстно, но извѣстно лишь то, что міръ будетъ свидѣтелемъ удивительныхъ событій, которыя предстоитъ разыграть этой отмѣченной самою судьбою націи.

Если у русскихъ встрѣчаются лучшіе дипломаты, чѣмъ у прочихъ, болѣе цивилизованныхъ народовъ, это объясняется тѣмъ, что наши журналы предупреждаютъ ихъ обо всемъ, что происходитъ и предполагается у насъ; вмѣсто того, чтобы благоразумно прикрывать наши слабости, мы каждое утро съ увлеченіемъ обнаруживаемъ ихъ, между тѣмъ, какъ русскихъ, византійская политика работающая въ тѣни, тщательно скрываетъ отъ насъ все, что думаютъ, дѣлаютъ и чего боятся въ этой странѣ. Незнѣность въ которой они оставляютъ насъ, мѣшаетъ намъ, наша же искрен-

ность помогаетъ имъ; у насъ слабость болтливости, у нихъ-же сила тайны: вотъ въ чемъ замѣчается ихъ искусство“.

Въ приводимомъ Кюстиномъ мемуарѣ князя *** о происходившихъ на Волгѣ волненіяхъ среди крестьянъ, князь рассказывая о жестокости, съ какою крестьяне раздѣлывались со своими непріателями, говоритъ: „всѣ эти безчеловѣчные люди большею частью поразительно красивы, у всѣхъ у нихъ отъ природы благородный и спокойный видъ:—это демоны съ небесными лицами“.

Перев. съ франц. К. Плавинскій.

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

